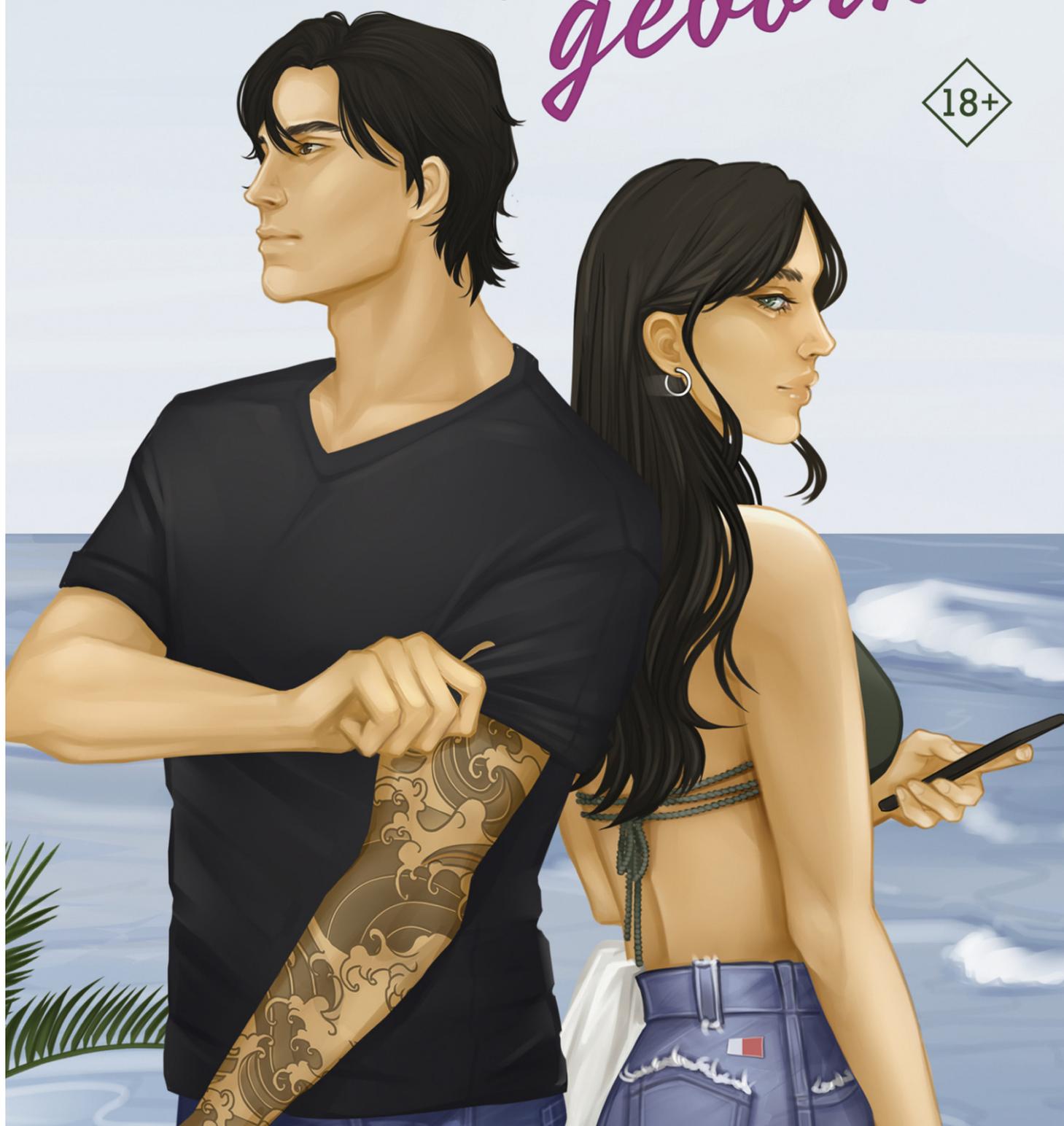

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Комплекс
хорошей
девочки

18+

Авалон-Бэй

Эль Кеннеди

Комплекс хорошей девочки

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кеннеди Э.

Комплекс хорошей девочки / Э. Кеннеди — «Издательство АСТ»,
2022 — (Авалон-Бэй)

ISBN 978-5-17-145843-0

Маккензи «Мак» Кэбот – правильная до мозга костей. Она привыкла следовать правилам и угождать людям: родителям, друзьям, бойфренду. Однако в глубине души девушка очень хочет стать независимой, сосредоточившись на развитии своего интернет-бизнеса. Но для того, чтобы достичь этой цели, ей необходимо закончить учебу. Она переезжает в прибрежный городок Авалон-Бэй, надеясь сделать все как положено. По правилам. Но все ее планы летят коту под хвост, когда она встречает местного плохиша Купера Хартли. Он грубый и резкий, не стесняющийся говорить в лицо. Прямая угроза ее упорядоченной жизни. Маккензи решает, что нет ничего дурного в том, чтобы подружиться с ним, но вскоре осознает, что это была плохая идея. Очень плохая.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145843-0

© Кеннеди Э., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	38
Глава восьмая	44
Глава девятая	49
Глава десятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эль Кеннеди

Комплекс хорошей девочки

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эль Кеннеди

Комплекс хорошей девочки / Эль Кеннеди. – М.: АСТ, 2023. – (Серия «Хиты Эль Кеннеди»).

Маккензи «Мак» Кэбот – правильная до мозга костей. Она привыкла следовать правилам и угождать людям: родителям, друзьям, бойфренду. Однако в глубине души девушка очень хочет стать независимой, сосредоточившись на развитии своего интернет-бизнеса. Но для того, чтобы достичь этой цели, ей необходимо закончить учебу.

Она переезжает в прибрежный городок Авалон-Бэй, надеясь сделать все как положено. По правилам. Но все ее планы летят коту под хвост, когда она встречает местного плохиша Купера Хартли. Он грубый и резкий, не стесняющийся говорить в лицо. Прямая угроза ее упорядоченной жизни.

Маккензи решает, что нет ничего дурного в том, чтобы подружиться с ним, но вскоре осознает, что это была плохая идея.

Очень плохая.

ISBN 978-5-17-145843-0

© 2022. GOOD GIRL COMPLEX by Elle Kennedy the moral rights of the author have been asserted;

© Серегина Ю., перевод на русский язык

© Железнова В., иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава первая

КУПЕР

Я по уши увяз в Ягербомбе¹.

Вчера я был буквально женат на блендере, трудился над пина коладой и клубничным дай-кири, словно рабочий на заводе. Сегодня очередь водочного Рэд Булла² и «Огненного шара³». И не забудьте про розе⁴. Ох уж эти придурки и их розе. Все они прильнули к барной стойке, растянувшейся от одной стены до другой, в своих льняных рубашках пастельных тонов, со стрижками за триста баксов, выкрикивая мне заказы на выпивку.

Слишком жарко для такого дерьма.

В Авалон-Бэй времена года отмечены бесконечным циклом оттоков и нашествий. Как приливы сменяются отливами во время шторма, так заканчивается лето и все здесь идет на убыль. Обгоревшие на солнце туристы забираются в минивэны, прихватив своих объевшихся сладостями детей, и направляются вглубь страны, обратно к себе в пригороды и клетушки. На смену им приходит волна загорелых школьников – армия клонов, возвращающихся в Гарнет-колледж. Отпрыски обладателей трастовых фондов, чьи прибрежные дворцы закрывают вид на океан для остальных из нас, кто собирает мелочь, выпадающую из их карманов.

– Эй, приятель, шесть стопок текилы! – вопит какой-то клон, постукивая кредитной картой по липкому дереву барной стойки. Как будто я должен быть впечатлен. На самом деле, он просто еще один типичный придурок из Гарнета, вышедший прямо из каталога Сперри⁵.

– Напомни мне, почему мы это делаем, – говорю я Стеф, собирая для нее очередь «Джеков» и кока-колы на стойке для официантов.⁶

Она залезает руками в бюстгальтер и приподнимает каждую грудь, чтобы те казались больше в ее черном топе с надписью: «Пляжный бар Джо».

– Чаевые, Куп.

Точно. Ничто не тратится быстрее, чем чужие деньги. Богатые детишки выкидывают купюры на ветер, играя в игру «кто кого переплюнет», пользуясь преимуществами папиной кредитки.

Выходные на набережной как Марди Гра. Сегодня последняя пятница перед началом осеннего семестра в Гарнете, что означает три дня буйства прямо до утра понедельника: бары разрываются по швам. Мы практически печатаем деньги. Не то чтобы я планировал заниматься этим вечно. Я подрабатываю здесь по выходным, чтобы накопить⁷ немного денег, перестать

¹ Jägerbomb – это коктейль-бомба, приготовленный путем добавления порции Jagermeister в энергетический напиток, обычно Red Bull. Иногда этот напиток ошибочно называют традиционным «шотом».

² Водочный коктейль Red Bull – это алкогольный напиток с кофеином, коктейль Highball, состоящий из энергетического напитка Red Bull и различного количества водки.

³ Коктейль на основе канадского ликера с одноименным названием.

⁴ Розовое вино (также фр. rosé – розе) – вино, получаемое с использованием красных сортов винограда в результате непродолжительного контакта виноградного сула с мезгой (и характерными для кожицы винограда темными пигментами).

⁵ Американский обувной производитель Sperry вошел в историю как первый бренд специализированной обуви для моряков. Сегодня Sperry принадлежит компании Wolverine World Wide, которая владеет такими известными марками, как Merrell, Saucony, Harley Davidson (только обувное производство), Hush Puppies, Keds и прочими.

⁶ Jack Daniel's – бренд виски из США.

⁷ Марди Гра (фр. Mardi gras, букв. – «жирный вторник») – вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста, последний день карнавала.

работать на других людей и начать быть самим собой. Как только денег станет достаточно, моя задница покинет этот бар навсегда.

– Будь осторожна, – предупреждаю я Стеф, когда она ставит напитки на свой поднос. – Кричи, если понадобится схватиться за биты.

Это будет не первый раз, когда мне приходится избивать кого-то за то, что они не принимают «нет» за ответ.

В такие ночи совсем другая энергетика. Влажность настолько густая, что можно намазать соленый воздух, как крем для загара. Прижимающиеся к друг другу тела, отсутствие запретов и текила – опасный коктейль, полный плохих намерений. К счастью, Стеф – крутая девчонка.

– Я справлюсь.

Она подмигивает мне, забирает напитки и с улыбкой на лице быстро разворачивается, покачивая длинным черным хвостиком. Я не знаю, как она терпит, когда эти чуваки трогают ее. Не поймите меня неправильно, я получаю свою долю женского внимания. Некоторые становятся довольно смелыми, слишком дружелюбными. Но с девушками иначе – ты бросаешь им ухмылку или шутку, они хихикают и оставляют тебя в покое. Но не эти парни. Придурки из команды и ублюдки из братства. Стеф постоянно хватают и лапают, шепчут в ухо всякие пошлости. К ее чести, она почти никогда не бьет их.

Таковы наши трудовые будни: приспособливаться к сезонным паразитам, к этому агрессивному виду, который использует нас, местных жителей, высасывает все соки и оставляет после себя мусор. И все же этот город едва ли существовал бы без них.

– Эй! Налей-ка мне шоты! – снова выкрикивает клон.

Я киваю, как будто говоря «уже бегу», хотя на самом деле имею в виду «я нарочно игнорирую тебя». Мое внимание привлекает свист на противоположной стороне барной стойки.

Сначала обслуживают местных. Без исключения. За ними следуют постоянные клиенты, которые хорошо дают на чай, затем вежливые люди, горячие красотки, милые крошечные старушки, а уже после все эти пресыщенные болваны. Я отправляю стакан, наполненный бурбоном, в конец барной стойки, где стоит Хайди, а после наливаю и себе. Мы опрокидываем по порции, и я наливаю ей еще.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, потому что ни один уважающий себя местный не придет сегодня на набережную. Слишком много клонов убивают атмосферу.

– Надо отдать ключи Стеф. Пришлось забежать к ней домой.

Хайди была самой красивой девочкой в первом классе, и с тех пор мало что изменилось. Даже в кроссовках и голубом топе она, несомненно, самая горячая красотка в этом баре.

– Ты сегодня закрываешь?

– Да, не уйду отсюда до трех, наверное.

– Хочешь заглянуть после ко мне? – Хайди приподнимается на носочках, чтобы перегнуться через барную стойку.

– Не, у меня завтра двойная смена. Нужно выспаться.

Она дуется. Сначала игриво, а потом более легкомысленно, когда до нее доходит, что я не заинтересован в свидании сегодня вечером. Может, этим летом мы и устроили целую череду интрижек, но делать это на постоянной основе с одним из лучших друзей начинает напоминать полноценные отношения, к чему я определенно не стремлюсь. Я все еще надеюсь, что она поймет это и перестанет спрашивать.

– Эй. Эй! – Нетерпеливый волосатый чувак в другом конце бара пытается поймать мой взгляд. – Клянусь богом, мужик, я дам тебе сотню за долбаный шот.

– Тебе лучше вернуться к работе, – говорит Хайди с саркастичной улыбкой, посылая мне воздушный поцелуй. Я медленно двигаюсь к клиенту. Он прямо с ленточного конвейера клонов: стандартная кукла Кен с лучшей улыбкой, которую можно оплатить стоматологической

страховкой. Рядом с ним пара приятелей, чья идея о ручном труде, вероятно, состоит в том, чтобы подтирать свои задницы.

– Давай-ка посмотрим, – подначиваю я его. Клон отслоняивливает мне Бенджамина. Так гордится собой. Я наливаю одну рюмку виски, потому что не помню, о чем он просил, и передаю ему. Придурок выпускает купюру, чтобы забрать стакан. Я хватаю деньги и кладу в карман.⁸

– Я заказал шесть шотов, – говорит он самодовольно.

– Давай еще пятьсот, и я их налью.

Я жду, что он будет ныть или закатит истерику. Вместо этого парень смеется, грозя пальцем. Для него это тот самый очаровательный местный колорит, за которым они сюда приходят. Богатые детки любят быть облапошенными.

К моему полному изумлению, этот болван вытаскивает еще пять купюр из пачки наличных и кладет их на барную стойку.

– Давай лучшее, что у тебя есть, – заявляет он.

Лучшее, что есть в этом баре, – это Джонни Уокер Блю и текила, название которой я не могу выговорить. Ни один из этих напитков не стоит больше пятисот долларов за бутылку. Так что я изображаю удивление и встаю на стул, чтобы достать пыльную бутылку текилы с верхней полки. Ладно, я прекрасно помню, что он просил, и поэтому налил ему⁹ кое-что подороже. В любом случае Богатенький Ричи доволен и уходит к своему столику.

Мой коллега-бармен Ленни искоса смотрит на меня. Я знаю, что не должен поощрять такое поведение. Это только укрепляет идею, что мы продаемся и что они владеют этим городом. Но к черту все, я не собираюсь продавать напитки до своей смерти. У меня более грандиозные планы.

– В котором часу ты заканчиваешь? – раздается мурлычущий женский голос слева от меня.

Я медленно поворачиваюсь, ожидая окончания. Обычно за этим вопросом следует один из двух вариантов:

«Потому что я хочу, чтобы ты меня снял».

Или «Потому что не могу дождаться, чтобы снять тебя».

Последующие действия – это простой способ определить, окажешься ты в постели с эгоисткой или с любительницей раздавать минеты. Ни один из этих методов съема не отличается оригинальностью, но никто и не говорил, что клоны, приезжающие в Авалон-Бэй каждый год, оригинальны.

– Ну? – давит блондинка, и я понимаю, что для меня у нее нет никакой подготовленной реплики.

– Бар закрывается в два, – просто отвечаю я.

– Составишь нам компанию после того, как закончишь? – флиртует девушка. У нее, как и у ее подруги, блестящие волосы, идеальные тела и светящаяся после дня, проведенного на солнце, кожа. Они милые, но я не в настроении для того, что они предлагают.

– Прости. Не могу, – отвечаю я. – Но ты приглядишься тут к кое-кому, кто выглядит в точности как я. Мой брат-близнец где-то здесь.

Я машу рукой на толпу людей, переполняющих бар, словно натолканных в банку сардин.

– Уверен, он с удовольствием развлечет тебя. – Я говорю это в основном потому, что знаю – это взбесит Эвана. Хотя, с другой стороны, может быть, он поблагодарит меня.

⁸ 100-долларовая купюра.

⁹ «Джонни Уокер» (англ. Johnnie Walker) – марка шотландского виски. Наиболее распространенный бренд шотландского виски в мире, продаваемый практически во всех странах, в год выпускается более 150 млн литров различных сортов Johnnie Walker. Под этой маркой выпускаются как недорогие сорта выдержкой не менее 3 лет, так и различные типы выдержанного дорогого виски. Большая часть сортов «Джонни Уокер» – купажируемый виски.

Хоть он и презирает клонов, но, кажется, ничего не имеет против богатеньких принцесс, когда они обнажены. Клянусь, парень пытается переспать со всем этим городом. Брат постоянно повторяет, что ему «скучно».

– О божечки, вас двое? – Практически моментально у обеих девушек делаются мечтательные глазки. Я хватаю стакан и кладу туда кубики льда.

– Ага. Его зовут Эван, – добавляю я. – Если найдете его, скажите, что вас послал Купер.

Когда цыпочки, наконец, уходят с фруктовыми коктейлями в руках, я вздыхаю с облегчением. Работа бармена – такое дерьмо.

Я толкаю виски со льдом к тощему чуваку, который его заказал, и забираю деньги. А затем, взъерошив волосы, делаю медленный вдох, прежде чем идти к следующему клиенту. Большую часть ночи пьяным посетителям удается держать себя в руках. Дэрил, швейцар, выгоняет всех, кого, по его подозрению, может стошнить, а мы с Ленни занимаемся идиотами, которые подтягиваются к бару.

Я приглядываю за Стеф и другими официантками, пока те работают в толпе. Стеф обслуживает столик, полный парней из Гарнета, пускающих по ней слюни. Она улыбается, но я знаю этот взгляд. Когда девушка пытается уйти, один из них хватается за талию.

Я прищуриваюсь. Это тот же придурок, «мистер шесть купюр». Когда ее глаза находят мои, я почти выхожу из-за стойки. Но она качает головой, словно не знает, что может произойти. Потом Стеф умело уворачивается от шаловливых рук этого уроды и возвращается к бару.

– Хочешь, чтобы я их вышвырнул? – спрашиваю я ее.

– Нет. Я справлюсь с ними.

– Знаю. Но ты не обязана. Я вытащил шесть сотен из этих тупиц. Могу поделиться с тобой. Давай я избавлюсь от них.

– Все в порядке. Просто дай мне три «Короны» и два «Яг...»

– Даже не произноси. – Все мое тело дрожит от этого слова. Если мне больше никогда не придется нюхать эту мерзкую черную хрень, это будет просто замечательно. – Мне нужно купить затычки для носа.

– У тебя как будто контузия, – смеется она, наблюдая, как я страдаю.

– Я должен получать надбавку за вредность. – Я заканчиваю и толкаю напитки к ней. – Серьезно, если эти парни не могут держать руки при себе, я иду туда.

– Все в порядке. Но, черт, как бы я хотела, чтобы они свалили. Не знаю, кто сегодня хуже – Мистер Цепкие Ручонки или Сэр Выпускник, жалующийся на папочку из-за того, что тот отказался от своего обещания купить ему яхту на выпускной.

Я усмехаюсь. Стеф вздыхает и уходит с полным подносом напитков.

Большую часть часа я не поднимаю головы. Помещение настолько переполнено, что лица уже сливаются в одно пятно, и все, что я делаю, это на автомате наливаю выпивку и принимаю кредитки, едва ли осознавая свои действия. В следующий раз, когда я проверяю Стеф, то вижу, как Богатенький Ричи пытается убедить ее потанцевать с ним. Она, как боксер, пытается обойти его, ускользнуть, лишь бы сбежать от чувака. Мне не удается разобрать ее точные слова, но их легко угадать: «*Я работаю, пожалуйста, дай мне вернуться к работе. Я не могу танцевать с тобой, я работаю*». Стеф пытается оставаться вежливой, но ее пылающие глаза говорят мне, что она уже сыта по горло.

– Лен, – зову я, кивая в сторону разворачивающейся сцены. – Дай мне секунду.

Он кивает в ответ. Мы заботимся о своих.

Я шагаю вперед, зная, что представляю угрожающую картину. Мой рост около двух метров, я не брился несколько дней, а волосам не помешает стрижка. Надеюсь, я выгляжу достаточно грозно, чтобы удержать этих парней от глупостей.

– Здесь все в порядке? – интересуюсь я, когда дохожу до их компании. Мой тон будто говорит: *«Я знаю, что это не так, и тебе лучше остановиться, или я вышвырну твою задницу отсюда»*.

– Свали, клоун, – бормочет один из них.

Оскорбление меня не трогает. Тут не привыкать к такому.

Я поднимаю брови.

– Я не уйду, пока моя коллега не скажет мне уйти. – Я многозначительно смотрю на руку этого пижона, который удерживает Стеф. – Она не подписывалась на то, чтобы ее лапали богатеи вроде вас.

У парня хватает ума убрать руку. Стеф использует эту возможность и встает возле меня.

– Видишь? Ничего страшного, – насмехается он. – Ни одной несчастной дамочке не нужна помощь.

– Лучше убедиться, что так и будет. – Я делаю акцент на предупреждении с такой же усмешкой. – И держи свои руки при себе.

Мы со Стеф уже собираемся уходить, но тут слышится звук разбитого стекла. Неважно, как громко в помещении, неважно, что оно переполнено людьми, – стекло бьется об пол, и сразу же после этого можно услышать, как крылья колибри трепещут в двух округах от тебя. Каждый поворачивается в нашу сторону. Один из приятелей Богатенького Ричи, который уронил стакан, невинно моргает, когда я встречаюсь с ним взглядом.

– Упс, – говорит он.

Смех и аплодисменты прерывают неожиданную тишину. Затем снова возобновляются разговоры, и все внимание присутствующих возвращается к пьяным развлечениям, которыми они занимались ранее.

– Твою мать, – бормочет Стеф себе под нос. – Иди за стойку, Куп. Я разберусь.

Она уходит, раздраженно нахмурившись, в то время как заносчивые придурки отворачиваются от нас и начинают громко болтать и смеяться между собой.

– Все хорошо? – спрашивает Ленни, когда я приближаюсь к бару.

– Не уверен.

Я оглядываюсь на компанию богачей и хмурюсь, когда замечаю, что их главаря больше нет с ними. Куда он делся?

– Нет, – протягиваю я. – Не думаю, что хорошо. Дай мне еще секунду.

Я снова оставляю Ленни одного на боевом посту, а потом выхожу из-за барной стойки, чтобы найти Стеф. Я иду к подсобке, думая, что она пошла туда за метлой, чтобы подмести стекло. И тут слышу:

– Слезь с меня!

Я бросаюсь за угол. Моя челюсть сжимается, когда я замечаю пастельное поло Богатенького Ричи. Он загнал Стеф к дальней стене в конце короткого узкого коридора, где находится подсобка. Когда она пытается вывернуться из его цепких лап, он преграждает ей дорогу, хватая за запястье. Второй рукой подонок скользит вниз и пытается схватить девушку за задницу.

Нет, к черту все. Я направляюсь к нему и дергаю за воротник. Секунду спустя он приземляется прямо на липкий пол.

– Убирайся, – рычу я.

– Купер.

Стеф удерживает меня, даже несмотря на благодарность в ее глазах. Знаю, она ценит спасение. Я стряхиваю ее руку, потому что с меня уже достаточно этого дерьма.

– Вставай и вали отсюда, – приказываю я этому испуганному мудаку.

Он выкрикивает злобные проклятия, пока встает на ноги.

Туалеты прямо за углом, в десяти футах отсюда, и его гневные крики уже привлекли внимание. Группа визжащих девиц из сестринства уже спешит сюда, за ними следуют другие любопытные посетители. Внезапно все больше голосов заполняет коридор.

– Престон! Приятель, ты в порядке?

Двое его друзей пробиваются сквозь толпу. Они выпячивают свою грудь, прикрывая любимого чемпиона, ведь, если их выгонят отсюда на глазах у всех этих людей, им придется весь год пить дома в одиночестве.

– В чем твоя проблема, чувак? – выплевывает Громила, прожигая меня взглядом.

– Никаких больше проблем, – отвечаю я, скреживая руки. – Просто вынес мусор.

– Чувствуешь запах, Престон? – говорит его приятель с подначивающей улыбкой. – Здесь чем-то воняет.

– Тут помойка неподалеку, или это твой трейлер? – шутит другой.

– Попробуйте сделать два шага вперед и сказать это снова, – поощряю я их, потому что, как бы то ни было, мне скучно, а эти придурки своим поведением просто умоляют, чтобы их побили.

Я оцениваю свои шансы. Три на одного, и парни-то совсем не тощие: каждый из них ростом около шести футов, примерно моего размера. Они могли бы стать частью команды по водному поло, спонсируемой братьями Брукс. Но я, вообще-то, тренируюсь, и эти мышцы не для показухи. Так что мои шансы довольно высоки.

– Куп, остановись. – Стеф толкает меня в сторону и встает между нами. – Забудь. У меня все в порядке. Возвращайся в бар.

– Да, *Куп*, – насмехается Престон, после чего обращается к своим друзьям: – Ни одна цыпочка в городе не стоит таких проблем.

Я смотрю на Стеф и пожимаю плечами. Богатенький Ричи должен был уйти, когда у него имелась такая возможность.

Пока он продолжает смеяться, такой самодовольный от собственного превосходства, я хватаю его за рубашку от Ральфа Лорена и бью кулаком прямо ему в лицо. Престон, пошатнувшись, падает на своих друзей, которые толкают его ко мне. Окровавленный, он бросается на меня, как потустороннее существо из фильма ужасов, размахивая кулаками и брызгая кровью. Мы натыкаемся на девушек из сестринства, а затем со всего размаху влетаем в стену. Спинай я врезаюсь в старый таксофон, которым никто не пользовался вот уже лет пятнадцать, и поэтому Престон успевает нанести мне ответный удар по челюсти. После я разворачиваюсь и прижимаю его к стене. Мне уже не терпится разбить его чертово лицо, но именно в этот момент Джо, владелец бара, вместе с Дэрилом и Ленни удерживают меня и оттаскивают от него.

– Ты тупой городской мусор, – булькает мудак. – Ты хоть представляешь, что уже на пути к смерти?

– Хватит! – кричит Джо. Ветеран Вьетнама с седой бородой хиппи и хвостиком указывает толстым пальцем на Престона. – Убирайтесь отсюда. В моем баре не дерутся.

– Я хочу, чтобы этого психа уволили, – заявляет Престон.

– Поцелуй меня в зад.

– Заткнись, Куп, – говорит Джо. Он позволяет Ленни и Дэрилу отпустить меня. – За это я урезаю тебе зарплату.

– Куп ни в чем не виноват. – Стеф оправдывает меня перед боссом. – Этот парень приставал ко мне, а потом последовал за мной в подсобку и зажал меня в коридоре. Купер пытался выгнать его.

– Вы знаете, кто мой отец? – прикрывая свой кровоточащий нос, спрашивает Престон. – Его банк владеет половиной зданий на этой грязной набережной. Одно мое слово, и у вас появится очень много проблем.

Губы Джо сжимаются в тонкую полоску.

– Ваш сотрудник поднял на меня руку, – продолжает злиться Престон. – Я не знаю, как вы управляете этой дырой, но, если бы это случилось где-то еще, человека, напавшего на клиента, больше бы не наняли.

Гадкая ухмылка этого пижона заставляет меня сжать кулаки от злости. Я хочу задушить его голыми руками.

– Так что либо вы разберетесь с этим, либо я позвоню отцу и сделаю это за вас. Знаю, уже поздно, но не переживайте, он проснется. Он сова. – Ухмылка становится еще неприятнее. – Так он заработал все свои миллиарды.

Наступает долгая пауза. Потом Джо вздыхает и поворачивается ко мне.

– Ты ведь не серьезно, – говорю я в изумлении.

Мы с Джо давно знаем друг друга. Мой брат и я устраивали здесь барбекю летом во времена старшей школы. Мы помогли старику восстановиться после двух ураганов. Я водил его дочь на выпускной, ради всего святого.

У него отстраненный вид, он пробегает пальцами по бороде.

– Джо! Серьезно, мужик. Ты позволишь одному из них указывать тебе, как управлять твоим баром?

– Прости, – произносит Джо, качая головой. – Я должен думать о своем бизнесе. О своей семье. Ты зашел слишком далеко в этот раз, Куп. Возьми из кассы то, что я тебе должен за ночь. Утром пришлю тебе чек.

Довольный собой, Богатенький Ричи насмехается надо мной.

– Видишь, деревенщина? Так устроен настоящий мир. – Он кидает кровавую пачку денег прямо в Стеф и выплевывает густой комок крови и слизи. – Вот. Прибери здесь все, милая.

– Это не конец, – предупреждаю я Престона, когда он и его друзья собираются уходить.

– Все было кончено до того, как началось, – ехидно бросает он через плечо. – Ты единственный, кто этого не знал.

Глядя на Джо, я вижу поражение в его глазах. У него больше нет ни сил, ни желания сражаться в этих битвах. Вот как они до нас добираются. Понемногу. Бьют нас, пока мы не устанем, не сможем держаться дальше. Затем они захватывают нашу землю и наш бизнес, вырывают наше достоинство из наших умирающих рук.

– Знаешь, – говорю я Джо, забирая деньги и бросая их ему в руку. – Каждый раз, когда один из нас уступает одному из них, мы делаем так, чтобы им было немного легче поиметь нас в следующий раз.

Только вот... *Нет*.

К дьяволу «следующий раз».

Эти мудаки больше никогда не получат от меня следующего раза.

Глава вторая

МАККЕНЗИ

С тех пор как я покинула дом своих родителей в Чарльстоне этим утром, моя голова не прекращает болеть, и это ощущение все усиливается, приказывая мне повернуть назад. Сорваться и бежать. Опять разыгрывать тот же самый спектакль и мучиться из-за окончания моего академического отпуска.

Теперь, когда мое такси едет по дубовой аллее к Талли-Холлу в кампусе колледжа Гарнет, меня охватывает ледяная паника.

Это действительно происходит.

За зеленой лужайкой и рядами машин, суется первокурсниками и их родителями с коробками виднеется четырехэтажное здание из красного кирпича. Белая отделка, обрамляющая ряды окон и крышу, это отличительная черта одного из пяти оригинальных зданий исторического кампуса.

– Я вернусь за этими коробками, – предупреждаю я водителя, перекидываю сумку через плечо и ставлю чемодан на землю. – Просто хочу убедиться, что попала в нужное место.

– Без проблем. Не торопитесь, – невозмутимо отвечает он. Конечно, ведь мои родители заплатили ему кругленькую сумму за то, чтобы он на день притворился моим личным шофером.

Проходя под массивным железным фонарем, свисающем с балки над входной дверью, я чувствую себя пойманной беглянкой, возвращающейся после года скитаний. Что ж, это было слишком хорошо, чтобы так продолжаться и дальше. И каким же образом я должна вернуться к домашней работе и контрольным? Раньше моя жизнь зависела от ассистентов преподавателей и учебных планов, в то время как последние двенадцать месяцев я была сама себе начальником.

Чья-то мать останавливает меня на лестнице, спрашивая, не являюсь ли я консультантом общежития. Просто потрясающе. Я чувствую себя древней. На меня накатывает новая волна соблазна развернуться на каблуках и улизнуть, однако я заставляю себя игнорировать ее.

Я поднимаюсь на четвертый этаж, где комнаты чуть больше и чуть лучше, – для тех родителей, что готовы потратить ВВП¹⁰ маленького островного государства. Судя по сообщению на телефоне, моя комната под номером 402.

Внутри небольшая гостиная и мини-кухня разделяют две спальни на равные половинки. В комнате слева стоит пустая кровать, деревянный стол и комод. Справа через распахнутую дверь я наблюдаю пританцовывающую блондинку в обрезанных брюках и без рубашки – она развешивает одежду на вешалки.

– Привет? – говорю я, тщетно пытаюсь привлечь ее внимание, и бросаю сумки на пол. – Эй?

Она по-прежнему не слышит меня.

Я нерешительно подхожу и хлопаю ее по плечу. Она буквально выпрыгивает из своих сандалий и прикрывает рот ладонью, чтобы заглушить визг.

– Боже, детка, ты меня напугала! – восклицает она с сильным южным акцентом. Тяжело дыша, девушка вытаскивает беспроводные наушники и запихивает их в карман. – Я чуть штаны не обмочила!

¹⁰ Валовой внутренний продукт – макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных за год во всех отраслях экономики на территории конкретного государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства.

Ее сиськи прямо передо мной, во всей своей красе, и она не предпринимает ровно никаких попыток прикрыться. Я пытаюсь смотреть ей в глаза, но получается неловко, поэтому перевожу взгляд на окна.

– Прости, что вмешалась. Я просто не ожидала... – *Что найду свою соседку, занятую любительским порно.*

Она пожимает плечами и улыбается.

– Да не переживай.

– Я могу, эм, могу вернуться через пару минут, если...

– Не, все в порядке, – уверяет она меня.

У меня не получается заставить себя взглянуть на нее, когда она стоит тут с руками на бедрах и оголенной грудью, ее соски направлены прямо на меня.

– В анкете на жилье была нудистская графа, которую я не заметила?

Девушка смеется, а затем наконец-то тянется к майке.

– Мне нравится очищать энергетику места. Дом не дом, пока ты не походила по нему голышом, верно?

– Жалюзи открыты, – замечаю я.

– Зато никаких полосок от загара, – подмигивает она мне. – Я Бонни Мэй Бошан. Думаю, мы соседки.

– Маккензи Кэбот.

Бонни сжимает меня в объятиях. Обычно я бы расценила это как серьезное посягательство на мои личные границы. Но по какой-то причине я не могу найти в себе причин оттолкнуть эту девчонку. А вдруг она ведьма? Зачаровала меня своими ведьминскими сиськами. И все же от нее исходит хорошая энергетика.

У Бонни мягкие, округлые черты лица и большие карие глаза. Яркая белоснежная улыбка, одинаково безопасная для женщин и доступная для мужчин. Этакая милая младшая сестренка для всех. Но с сиськами.

– Где все твои вещи? – наконец отпустив меня, спрашивает она.

– Мой парень придет чуть позже и принесет большую часть из них. Кое-что лежит у меня в такси. Водитель все еще ждет.

– Я помогу тебе притащить их.

Вещей всего-ничего, пара коробок, но я ценю ее предложение и компанию. Мы хватаем коробки и несем их в комнату, затем немного бродим по коридорам, чтобы осмотреться.

– Ты из Южной Каролины? – интересуется Бонни.

– Из Чарльстона. А ты?

– Я из Джорджии. Папочка мечтал, чтобы я отправилась в Университет Джорджии, но мамуля ходила в Гарнет, вот они и поспорили – исход футбольного матча определил мою судьбу.

Внизу, на третьем этаже, ходит чувак с рюкзаком-кулером, наполненным Фрозé¹¹, и пытается предложить нам налить по бокальчику в обмен на наши телефонные номера. Его руки, грудь и спина сплошь покрыты черными цифрами, написанными несмываемым маркером, – в большинстве своем в этих номерах отсутствует одна или две цифры. Конечно же, все они ненастоящие.

Мы отказываемся от предложения и ухмыляемся про себя, оставляя его позади.

– Ты перевелась откуда-то? – спрашивает Бонни, когда мы продолжаем неспешно прогуливаться по общежитию. – Я имею в виду, и не пойми меня неправильно, ты не похожа на первокурсницу.

¹¹ Frosé – это смешанный напиток из замороженного розового вина, взбитого блендером, с клубникой, водкой и лимонным соком.

Я знала, что это может произойти: чувствую себя вожатым лагеря. Я на два года старше своих сверстников из-за академического отпуска, а также потому, что пошла в детский сад на год позже, ведь мои родители предпочли продлить свое плавание по Средиземному морю, а не отвезти меня домой, чтобы вовремя отправить в школу.

– Я брала академический отпуск. Заключила сделку с родителями, что пойду в любой колледж, какой они выберут, если сначала позволят мне поработать над собственным бизнесом.

Хотя, если бы это зависело от меня, то я бы полностью пропустила этот период своего взросления.

– Ты уже занимаешься бизнесом? – потрясенно спрашивает Бонни, округлив глаза. – А я провела все лето смотря повторы «Вандерпамп»¹² и тусуясь на озере.

– Я создала веб-сайт и приложение, – признаюсь я. – Да так, ничего особенного. Не то чтобы я изобрела Теслу или что-то в этом роде.

– Что за приложение?

– Это сайт, где люди постят смешные или постыдные истории о бойфрендах. Начиналось как шутка для кое-кого из моих школьных друзей, но потом вроде как стало популярным. В прошлом году я запустила еще один сайт, только теперь для историй о девушках.

То, что начиналось как обычный блог, в прошлом году раздулось до невероятных размеров: пришлось нанимать менеджера по рекламе, модераторов сайта и даже маркетинговую команду. Появилась платежная ведомость, налоги и семизначная сумма на моем расчетном счете. И где-то между всем этим мне еще придется беспокоиться об эссе и промежуточных экзаменах? Но сделка есть сделка, и я сдержу свое слово, но вся эта тема с колледжем кажется абсолютно бессмысленной.

– Невероятно, я знаю этот сайт! – Бонни взволнованно шлепает меня по руке. Такое ощущение, что у этой девчонки стальные прутья вместо пальцев. – «Парень Терпит Неудачу»! Вот дерьмо. За чтением этих постов мы с девчонками провели больше времени, чем за домашней работой, пока были в выпускном классе. Это тот самый сайт? Про парня, который отравился после свидания, и отец этой девчонки вез их домой, когда у бедняги случился сильнейший понос на заднем сиденье!

Бонни сгибается пополам в полной истерике. Я улыбаюсь, поскольку хорошо помню этот пост. Он получил более трехсот тысяч просмотров, тысячи комментариев и стал успешнее любых других постов в том месяце.

– Вау, – говорит она, когда наконец успокаивается. – Ты реально делаешь деньги на таких вещах?

– Да, за счет размещения рекламы. Получается неплохо. – Я скромно пожимаю плечами.

– Это круто. – Бонни надувает губки. – Я завидую. Я-то понятия не имею, что делаю здесь, Мак. Могу я называть тебя *Мак* или ты предпочитаешь *Маккензи*? Маккензи звучит как-то официально.

– Сойдет и Мак, – уверяю ее я, стараясь не засмеяться.

– После старшей школы колледж – это ведь то, чем мне нужно заняться, понимаешь? Только вот черта с два я имею хоть какое-то представление, на чем хочу специализироваться или что я должна делать, когда повзростею.

– Люди всегда говорят, что колледж – это место, где ты находишь себя.

– А я думала, это Панама-Сити.

Я хихикаю. Мне и правда нравится эта девчонка.

¹² Американское реалити-шоу, посвященное Лизе Вандерпамп и персоналу ее ресторанов и баров.

Примерно через час появляется мой парень с остальными коробками. Мы не виделись уже несколько недель. Мне требовалось уладить кучу проблем с бизнесом, прежде чем я бы передала дела своим новым штатным сотрудникам, так что об отпуске, чтобы навестить Престона, не могло быть и речи.

Это оказалась самая долгая разлука с тех пор, как его семья отправилась в отпуск на озеро Комо.

Я предложила идею снять вместе квартиру за пределами кампуса, но Престон только посмеялся над этим. Зачем жить в трущобах, когда у него есть бассейн, личный шеф-повар и горничная? У меня не нашлось хорошего ответа, который бы не звучал снисходительно. Если независимость от родителей не мотивирует жить вместе, то я не знаю, что сказать на это.

Независимость стала моей единственной мотивацией со средней школы. Жить со своей семьей было все равно что тонуть в зыбучих песках, которые поглотили бы меня целиком, если бы я не выдернула собственные волосы, чтобы сделать из них веревку и вытащить себя. Я не создана для того, чтобы меня удерживали.

Наверное, именно поэтому, когда парень, с которым мы не виделись больше месяца, входит в комнату с первой партией коробок, я не переполняюсь глубокой тоской или внезапным волнением после разлуки.

Не то чтобы я не скучала по нему или не рада, что он здесь. Просто... Я помню свои влюбленности в средней школе, когда время между встречей с мальчиком за обедом и шестым уроком казалось вечностью, которая разрывала мое маленькое подростковое сердечко. Однако теперь я выросла. Наши отношения с Престоном – комфортные. Надежные. Мы практически пожилая супружеская пара.

Стабильность во всей ее красе.

– Привет, детка. – Немного потный после четырех лестничных пролетов, Престон крепко обнимает меня и целует в лоб. – Скучал по тебе. Выглядишь отлично.

– Как и ты. – Привлекательность никогда не была проблемой. Престон красивый, как картинка. Он высокий, стройный, атлетичный. Прекрасные голубые глаза, которые кажутся невероятно яркими, когда на них светит солнце. Классические угловатые черты лица, привлекающие внимание повсюду, куда бы он ни пошел. Престон подстригся с тех пор, как мы виделись в последний раз: его светлые волосы немного длиннее сверху, но выбриты по бокам.

Он слегка поворачивает голову, и я замечаю синяки вокруг носа и правого глаза.

– Что с тобой случилось? – тревожно спрашиваю я.

– А, да... – Он трогает глаз и пожимает плечами. – Мы с ребятами играли в баскетбол на днях, и я получил мячом по лицу. Ничего страшного.

– Уверен? Выглядит так, будто тебе больно. – На самом деле выглядит уродливо, как стогрившая яичница всмятку, расположившаяся прямо на его лице.

– Я в порядке. Пока не забыл. Я принес тебе это.

Он залезает в задний карман своих штанов-хаки и достает подарочную пластиковую карту. На ней написано: BIG JAVA. Я принимаю ее.

– Ой, спасибо, милый. Это для кофейни в кампусе?

Престон с энтузиазмом кивает.

– Подумал, это самый подходящий подарок «добро пожаловать в колледж» для такой помешанной на кофе девушки, как ты. Я закинул на нее пару тысяч, так что картой уже можно пользоваться.

На кухне подслушивает Бонни.

– Пару тысяч? – пищит она.

Ладно, две тысячи долларов на кофе – это немного чересчур, но одна из черт, которую мне нравятся в Престоне, это то, какой он заботливый. Ехал целых три часа до моих родителей,

чтобы самому забрать вещи, а потом обратно в кампус, и делает он это с удовольствием. Парень не жалуется и не считает меня обузой. Он делает это потому, что любит меня.

Настоящий джентльмен.

Я гляжу на свою соседку.

– Бонни, это мой парень, Престон. Престон, это Бонни.

– Приятно познакомиться, – говорит он с искренней улыбкой. – Я заберу оставшиеся коробки Мак, а после можем вместе пообедать, как вы на это смотрите?

– Я в деле, – отвечает Бонни. – Голодна как волк.

– Это было бы здорово, – я тоже соглашаюсь. – Спасибо.

Как только Престон уходит, Бонни улыбается и поднимает большой палец вверх.

– Классно устроилась. Как долго вы вместе?

– Четыре года. – Я иду за ней в общую ванную, чтобы подправить прически и подготовиться к обеду. – Мы ходили в одну и ту же подготовительную школу. Я была второкурсницей, а он ходил в выпускной класс.

Мы с Престоном знакомы с детства, но не дружили из-за разницы в возрасте. Я видела его в загородном клубе, когда мои родители таскали меня туда с собой на праздники, сбор средств и подобные мероприятия. Когда я поступила в Спенсер Хилл, он повел себя очень мило и стал замечать меня в коридоре и здороваться на вечеринках, тем самым помогая обрести некоторую уверенность, необходимую для выживания и процветания в кишаших акулами водах подготовительной школы.

– Ты, наверное, рада наконец-то поступить в колледж с ним. Я бы на твоём месте с ума сходила от мысли, что он здесь один.

– У нас все по-другому, – объясняю я, причёсываясь. – Престон не из тех, кто изменяет. Он большой фанат семьи и плана, понимаешь?

– Плана?

Это никогда не звучало настолько странно, пока Бонни не посмотрела на меня в зеркало с поднятыми бровями.

– Ну, наши родители были друзьями в течение многих лет, так что после того, как мы некоторое время встречались, стало вроде как понятно, что в конце концов мы выпустимся, поженимся и все такое. Знаешь, план.

Она глядит на меня во все глаза, а затем морщится.

– И ты... согласна с этим планом?

– Почему бы и нет?

Все это чертовски похоже на то, как мои родители оказались вместе. И их родители. Знаю, это очень напоминает старые времена, когда существовали браки по договоренности, и, если честно, я подозреваю, что Престона уговорили пригласить меня на свидание в первый раз. Он был старшеклассником, а я – неуклюжей второкурсницей, которая даже не усвоила, как пользоваться утюжком для волос.

Однако независимо от того, пригласил ли Престон меня по просьбе его родителей или нет, ни один из нас не чувствовал себя обязанным встречаться. Мы искренне наслаждались обществом друг друга и до сих пор наслаждаемся.

– На твоём месте я бы очень расстроилась, если бы вся моя жизнь была распланирована еще до того, как я начала свой первый день в колледже. Это как узнать весь сюжет фильма, пока стоишь в очереди за попкорном. – Бонни пожимает плечами, проводя блеском по губам. – Но послушай, если это делает тебя счастливой, то почему бы и нет?

Глава третья

КУПЕР

С тех пор, как мы были наивными босоногими детьми, что гонялись друг за другом по песку, просыпались перед миллионными особняками и убегали от копов, у нас – у отчаявшейся молодежи Авалон-Бэй, чья юность растрачена впустую, – появилась традиция. Последнее воскресенье лета заканчивалось Костром.

И существовало лишь одно правило: только местные жители.

Сегодня вечером мы с братом-близнецом устраиваем вечеринку у себя дома. Двухэтажный пляжный коттедж в деревенском стиле принадлежит нашей семье уже три поколения – и это заметно. Ветхий дом уже в плохом состоянии и требует хорошего ремонта, однако он компенсирует свой суровый внешний вид неотразимым очарованием. Как и его обитатели, хочу заметить. Хотя Эван определенно более обаятелен из нас двоих. Иногда я бываю угрюмым засранцем.

Ко мне подкрадывается Хайди, ставя фляжку на деревянные перила.

– Внизу есть выпивка. Тонны, – говорю я.

– Не в этом смысл фляжки.

Она прижимается спиной к перилам, опираясь на локти. Есть у Хайди такая фишка. В мире нет ничего, что могло бы удовлетворить эту девчонку, – настолько ее интересы далеки от всех и вся. В детстве именно это привлекло меня в ней в первую очередь. Хайди всегда искала что-то еще. Мне тоже хотелось принять участие в поисках.

– Тогда в чем же? – спрашиваю я.

– Почувствовать себя плохой девчонкой. Фляжка – это секрет.

Хайди смотрит на меня с хитрой улыбкой. Она сегодня прихорошилась. По крайней мере, насколько это возможно здесь, в Авалон-Бэй. Волосы завиты. На губах темно-красная помада. Даже надела мою старую футболку с символикой «Rancid»¹³, которую превратила в майку, обнажающую черный кружевной лифчик. Хайди приложила много усилий, чтобы отлично выглядеть, но на меня это все равно не действует.

– Не в духе, да? – догадывается она, когда я не клюю на наживку.

Я пожимаю плечами. Потому что я правда не в настроении для вечеринки.

– Мы можем сбежать отсюда. – Хайди выпрямляется и кивает в сторону. – Прокатиться. Как тогда, когда мы своровали ключи у твоей мамы, помнишь? Остановились где-то в Теннесси и заночевали в грузовике.

– А разъяренный рейнджер выгнал меня из национального парка в четыре утра.

Она смеется, игриво толкая мою руку.

– Я скучаю по нашим приключениям.

Я делаю глоток из ее фляжки.

– Когда у тебя уже есть свои ключи и пить официально разрешено, весь смысл таких приключений теряется.

– Поверь, мы все еще можем вляпаться в кучу неприятностей.

Эта кокетливая искра у нее в глазах нагоняет на меня грусть. Ведь раньше мы вместе веселились, а теперь чувствуем напряжение. Неловкость.

¹³ Rancid – калифорнийская панк-рок-группа, основанная в 1991 году Мэттом Фрименом и Тимом Армстронгом (бывшие музыканты Operation Ivy).

– Куп! – зовет меня брат, стоя во дворике внизу. – Это вечеринка, чувак. Давай спускайся сюда.

Телепатия близнецов все еще работает. Я оставляю Хайди на террасе, иду вниз и беру пиво по пути на пляж, где у костра встречаю Эвана с нашими друзьями. Я пью, пока они проводят следующий час, обмениваясь теми же историями, что мы рассказываем уже десять лет. Затем наш приятель Уайет предлагает сыграть в футбол под луной, и большая часть нашей компании направляется к нему. Лишь несколько человек остается у огня. Эван сидит в садовом кресле Адирондак¹⁴ рядом со мной, смеется над словами нашей подруги Аланы, но я не могу наслаждаться вечером. У меня под кожей будто ползают жуки. Зарываются все глубже. Прогрызают дыры в моей плоти и откладывают яйца гнева и негодования.

– Эй, – Эван пинает мою ногу, – приди в себя.

– Я в порядке.

– Ага, – говорит он с сарказмом. – Я знаю.

А затем хватает пустую бутылку пива, которую я уже долго держу в руках, и бросает мне новую из холодильника.

– Ты уже два дня ведешь себя как маленькая капризная сучка. Я понимаю, ты злишься, но это больше не прикольно. Напейся, покури травки. Хайди где-то здесь. Может, она снова с тобой замутит, если ты вежливо попросишь.

Я подавляю стон. В нашей компании нет секретов. Когда я впервые переспал с Хайди, все остальные узнали об этом прежде, чем мы с ней успели открыть глаза после сна. Еще одно доказательство того, что встречаться с друзьями или спать с ними – плохая идея. Это приносит только проблемы.

– Выкуси, мудила.

Хайди бросает в него горсть песка с другой стороны от костра, а после показывает ему средний палец.

– Упс, – произносит брат, прекрасно зная, что она сидела там. – Виноват.

– Это просто невероятно. – У Хайди такой тон, словно она собирается отрезать ему яйца. – Вы двое выглядите абсолютно одинаково, и все же я ни за какие деньги не дотронулась бы до твоего члена, Эван.

– Жжешь, – выкрикивает Алана, смеясь вместе с Хайди и Стеф.

Эти трое были настоящей пыткой для каждого мальчишки в Авалон-Бэй со времен третьего класса. Дьявольская троица, наводящая ужас. Само воплощение сексуальности.

Эван показывает в ответ непристойный жест, потому что оскорбления не в его стиле. Потом он поворачивается ко мне.

– Я по-прежнему утверждаю, что мы должны дождаться, пока этот пижон покинет свой роскошный домик, а затем преподать ему урок. Слухи расходятся, Куп. Люди начинают думать, что ты сам позволил случиться этому дерьму и не ответил. А потом все станут думать, будто они могут связываться с нами.

– Куперу повезло, что этот урод не выдвинул обвинения, – отмечает Стеф. – Но, если ты превратишь это в войну, он может передумать.

Она права.

На ум не приходит ни одного внятного объяснения тому, почему я не провел последние два дня в тюрьме, кроме того, что Престону было достаточно моего унижения. Хотя я никогда не признаю поражения, меня по-прежнему бесит мое увольнение. Брат прав: Хартли не допускают такого дерьма и не могут оставить все как есть. У нас особая репутация в этом городе.

¹⁴ Легендарные американские деревянные кресла, стулья, шезлонги и скамейки для отдыха на даче или в загородном доме из дерева хвойных пород; представляет собой прямой силуэт с наклонной спинкой и оригинальной подставкой для ног.

Люди сразу чувствуют слабость и начинают придумывать всякую чушь. Даже когда у тебя ничего нет за душой, кто-то всегда попытается забрать это ничего.

– А кто он вообще такой? – спрашивает Хайди.

– Престон Кинкейд, – отвечает Стеф. – Его семья владеет огромным поместьем вниз по побережью. В прошлом месяце они вырвали двухсотлетние дубы на той территории, чтобы поставить третий теннисный корт.

– Фу, я знаю этого парня, – сообщает Алана, и ее светло-рыжие волосы сияют в свете костра. – Мэдди занималась парасейлингом¹⁵ с лодки своего отца несколько недель назад и взяла этого придурка с какой-то цыпочкой. Он пытался заигрывать с Мэдди прямо перед своей подружкой. Придурок реально пригласил ее на свидание. Когда она придумала отговорку – ведь ей все еще нужно было получить чаевые, – он попытался уговорить ее на секс втроем прямо на лодке. Мэдди сказала, что чуть не сбросила его за борт.

Стеф корчит гримасу.

– Он такой урод.

– Точняк. – Эван берет свежее пиво и делает глоток. – Он это заслужил. Мы бы оказали обществу услугу, если бы спустили этого мудака с небес на землю.

Я с любопытством смотрю на своего брата.

– Месть, братишка. Он знатно тебя унизил. Мы отплатим ему за это вдвойне.

Должен признаться, я жажду расплаты. Два дня этот кипящий гнев сидел у меня внутри, норовя вырваться на свободу. Работа за барной стойкой не являлась моим единственным источником дохода, но мне нужны были эти деньги. Теперь из-за этого болвана возникли дополнительные трудности.

Я обдумываю слова брата.

– Если ударю его по лицу, окажусь в тюрьме. Не могу отнять у него работу, потому что – да ладно, кого мы обманываем – у чувака ее нет. Он родился с серебряной ложкой в заднице. И что тогда остается?

– Ах, бедная глупышка, – вдруг говорит Алана, повернувшись к нам, чтобы показать свой телефон. – Только что просматривала его социальные сети. У него есть девушка.

Я прищуриваюсь, глядя на экран. Интересно. Кинкейд опубликовал сегодня историю о переезде его девушки в женское общежитие Гарнета. В посте много эмодзи «сердечек» и всей этой слащавой херни – явного признака лжеца, который уж слишком старается показать идеальную картинку.

– Черт, – говорит Эван, беря телефон. Он пролистывает их фотографии, сделанные на отвратительной яхте Кинкейда. – Горячая цыпочка.

Он прав. Снимок, который рассматривает Эван, изображает высокую, темноволосую девушку с зелеными глазами и загорелой кожей. Она носит белую обрезанную футболку, которая спадает с одного плеча, открывая взору ляжку синего купальника под ней, и по какой-то причине эта тонкая полоска ткани горячее любого порнографического фото, что я когда-либо видел.

Она дразнит.

Приглашает.

Ужасная идея появляется в самой бесстыдной части моего разума.

– Забери ее, – озвучивает мои мысли Эван, ведь, несмотря на все наши различия, мы абсолютно одинаковы.

Глаза Аланы светятся озорством.

– Сделай это.

¹⁵ Парасейлинг – активный вид отдыха, при котором человек закрепляется с помощью длинного троса к движущемуся транспортному средству и, благодаря наличию специального парашюта, парит по воздуху.

– Что, украсть его подружку? – недоверчиво спрашивает Хайди. – Она не игрушка. Это...
– Отличная идея, – заканчивает за нее Эван. – Подцепи девчонку этого клона, ткни ему этим в лицо, а потом брось ее богатенькую задницу.

– Какая мерзость, Эван. – Хайди поднимается и, забрав у него телефон Аланы, продолжает спорить: – Она человек, знаете ли.

– Нет, она тоже клон.

– Ты хочешь, чтобы она кинула Кинкейда, верно? Так почему бы нам просто не поймать его за изменой и не послать ей доказательство, чтобы она его бросила? Тот же результат, – подмечает Хайди.

– Не тот же самый, – возражает мой брат.

– Как это не тот же самый?

– Да потому что, – Эван указывает горлышком бутылки на Хайди, – недостаточно того, чтобы Кинкейд проиграл. Он должен знать, *кто* его победил. Мы причиним ему боль.

– Куперу необязательно заставлять ее влюбляться в него, – произносит Алана. – Всего лишь соблазнить ее достаточно, чтобы она рассталась со своим парнем. Несколько свиданий максимум.

– Соблазнить? Ты имеешь в виду, трахнуть ее, – уточняет Хайди, раскрывая настоящую причину своего недовольства этим планом. – И снова мерзость.

В любой другой день я бы согласился с ней. Но не сегодня. Сейчас я зол и жажду крови. К тому же я бы оказал этой девчонке услугу, спасая ее от Кинкейда.

Избавил бы от несчастной жизни с убудком-изменником, который относится к ней хорошо, только чтобы сделать с ней парочку отпрысков, прежде чем переключить все свое внимание на многочисленных любовниц.

Я постоянно встречал таких парней, как Престон Кинкейд. Одно из моих самых ранних воспоминаний: как пятилетний я стою на пирсе с моим отцом и братом и пребываю в замешательстве, почему же все эти модно одетые люди разговаривают с папой так, будто он собачье дерьмо на подошве их дорогих туфель. Черт, а ведь есть шанс, что девушка Кинкейда еще хуже, чем он сам.

Стеф решает озвучить возможную проблему:

– Но если он уже изменяет ей, то насколько сильно он заботится об этой девушке? А вдруг ему будет наплевать, если его бросят?

Я гляжу на Эвана.

– Она права.

– Не знаю. – Задумавшись, Алана тянется через плечо Хайди, чтобы посмотреть в телефон. – Поразмыслив над всем этим, я все-таки считаю, что они вместе уже несколько лет. Ставлю на то, что для него это серьезно.

Чем дальше эта идея крутится у меня в голове, тем больше я увлекаюсь ею. В основном чтобы увидеть выражение лица Кинкейда, когда он поймет, что я победил. Но еще и потому, что даже если бы я не знал, что она девушка Кинкейда, то все равно бы попытался приударить за ней.

– Давайте сделаем поинтереснее, – произносит Стеф. Она обменивается взглядами с Аланой, обдумывая возможности этой идеи. – Ты не можешь лгать. Не можешь притворяться, что влюблен в нее, или спать с ней, если только она сама не захочет и не предложит первая. Поцелуи разрешены. И ты не станешь просить ее расстаться с ним. Это должна быть исключительно ее идея. Иначе в чем смысл? Мы с тем же успехом могли бы воспользоваться планом Хайди.

– Договорились. – Даже нечестно, как легко это будет устроить.

– Молчание – это та же ложь. – Хайди в ярости. – Что заставляет тебя думать, что один из них порвет свои отношения ради тебя?

Она не ждет ответа. Просто уносится прочь к дому.

– Не обращай на нее внимания, – говорит Алана. – Мне нравится этот план.

Эван тем временем пристально смотрит на меня, а потом кивает в сторону Хайди.

– Ты должен что-то с этим сделать.

Да, может быть, и должен. После нескольких перепихов мы с Хайди вернулись к платоническим отношениям, и все было круто на протяжении целого лета. Но потом все изменилось, она стала чаще выходить из себя, и в этом, наверное, есть и моя вина.

– Она большая девочка, – заверяю я брата.

Может, сейчас Хайди и чувствует себя немного странно, но она переживет это. Мы дружим с первого класса. Она не может злиться на меня вечно.

– Итак, окончательный ответ по поводу клона? – Эван смотрит на меня с нетерпением.

Наклонив бутылку пива к губам, я быстро глотаю, а затем пожимаю плечами и говорю:

– Я в деле.

Глава четвертая

МАККЕНЗИ

В субботу вечером, в нашу первую неделю на первом курсе, Бонни вытаскивает меня из города. *Чтобы оценить положение дел*, как она это называет.

Пока что мы как соседки по комнате отлично ладим. Лучше, чем я ожидала, вообще-то. Я единственный ребенок в семье и никогда не жила нигде, кроме родительского дома, так что я немного опасалась совместного проживания с совершенно незнакомым человеком. Но с Бонни легко ужиться. Она убирает за собой и смешит меня, ведь у нее просто бесконечный запас южного юмора. Она как младшая сестра, о которой я, сама не подозревая, мечтала.

За последний час, с тех пор как мы покинули кампус, Бонни только подтвердила мою теорию о том, что она ведьма. Эта девушка обладает силой, о которой простой смертный может только мечтать.

Когда мы подходим к бару, расположенному в центре этой шумной дыры со свисающими с балок трусиками и номерными знаками на стенах¹⁶, трое парней практически бульдозерами таранят толпу, чтобы купить нам выпивку. Все что угодно, лишь бы Бонни улыбалась им. С тех пор я наблюдаю, как она очаровывает одного парня за другим, не прилагая почти никаких усилий. Она просто хлопает своими ресницами, немного хихикает, накручивает волосы на палец, и вуаля – они уже готовы продать своих матерей на органы.

– Вы недавно в городе?

Один из наших последних поклонников – парень с внешностью спортсмена, одетый в слишком обтягивающую футболку и, такое ощущение, выливший на себя целый флакон туалетной воды, – кричит мне в ухо из-за ревушей из колонок музыки. Даже когда разговаривает со мной, он то и дело поглядывает в сторону Бонни, пока она увлеченно болтает с другим парнем. Невозможно представить, чтобы кто-то из них слышал ее, но это, похоже, не имеет значения.

– Да, – отвечаю я, не отрываясь от светящегося экрана телефона, где переписываюсь с Престоном. Он сегодня у друга, играет в покер.

Пока я уделяю как можно меньше внимания этому чуваку, кому поручили развлекать «подругу», два его приятеля буквально едят из рук Бонни всю дорогу до танцпола. Я иногда киваю и отвлекаюсь от телефона, чтобы якобы поддержать беседу, но мы оба знаем, что все это бесполезно из-за оглушительной громкости музыки. Примерно через сорок минут после того, как мой спутник куда-то ускользает, меня хватает чья-то рука.

– Так скучно. Давай избавимся от этих парней, – громко говорит мне в ухо Бонни.

– Да. – Я уверенно киваю. – Отлично.

Она отшивает двух парней, которые все еще цепляются за нее, как утята за мать, а после мы забираем напитки и ищем обходной путь к лестнице. На втором этаже, откуда открывается прекрасный вид на выступающую на сцене группу, мы находим столик, где можно спокойно выдохнуть. Здесь гораздо тише. Достаточно тихо для того, чтобы продолжить разговор, не выкрикивая слова и не прибегая к языку жестов.

– Они тебе не понравились? – спрашиваю я, имея в виду ее последних жертв.

– Я могу заполучить таких болванов и дома. Камня не бросишь, чтобы не попасть в футболиста из колледжа.

¹⁶ Частое украшение в американских барах – автомобильные и мотоциклетные номера.

Я ухмыляюсь. Фруктовый коктейль, который я пью, не совсем мне по вкусу, но Бонни заказала именно его у своих ухажеров.

– Тогда кого предпочитаешь?

– С татуировками. Высокого, мрачного и сломленного. Чем больше он не подпускает к себе и не проявляет чувств, тем лучше. – Она сияет. – А если у него еще вдобавок имеются приводы и мотоцикл, то я, как говорится, вся ваша.

Я чуть не задыхаюсь от смеха.

Забавно. Она совсем не похожа на девушку, которая интересуется такими парнями.

– Может, нам стоит найти бар с Харлеем у входа? Я просто не уверена, что мы найдем здесь то, что ты ищешь.

Насколько я могу судить, перспектива так себе. В основном тут ошиваются студенты Гарнета – парни из загородных клубов или братства да парочка любителей пляжа в майках. Никто из них не подходит под описание Бонни.

Она с гордостью произносит:

– О, я провела расследование. Ходят слухи, что в Авалон-Бэй есть именно то, что мне нужно. Близнецы Хартли.

Я поднимаю бровь.

– Близнецы?

– Местные, – кивает Бонни. – Но я не жадная. Один вполне подойдет. Полагаю, мои шансы увеличиваются, раз их двое.

– И эти близнецы Хартли подходят по всем твоим «я люблю плохих парней» критериям?

– О, да. Я слышала об их подвигах от некоторых девушек в кампусе. – Бонни облизывает губы. – Сегодня я хочу стать одним из этих подвигов.

Я смеюсь. Ох уж эта девчонка.

– Ты даже не знаешь этих парней. Что, если они отвратительны?

– Вряд ли. Их имена не слетали бы с уст каждой девушки, если бы это было так. – Она выглядит такой счастливой. – Кроме того, эта девчонка из нашего коридора – Нина или Дина, в общем неважно – она показала мне их фото, и не переживай, мисс Мак, выглядят они *восхитительно*.

Мой смех вырывается наружу.

– Хорошо. Поняла. Я буду следить за парочкой этих плохишей.

– Спасибо. А что насчет тебя?

– Меня?

– Ну да, тебя.

– Я не ищу плохого парня.

Мой телефон снова загорается от сообщения Престона – его следующая игра вот-вот начнется. Еще одна черта, которую я ценю в нем, – это рутина, предсказуемость. Я предпочитаю вещи, которые действуют в пределах моих ожиданий. Я планирую. Я организую. И парень, который носится по всему городу, когда ему заблагорассудится, не впишется в мою жизнь.

Опять же, у меня нет ощущения, что Бонни ищет длительные отношения. Скорее, это похоже на что-то несерьезное и легкое.

– Да я всего лишь спросила, – подмигивает Бонни. – Можешь полностью на меня положиться. Я бы никогда не стала стучать на соседку, если бы та захотела немного развлечься.

– Я ценю это, но у меня все в порядке. Мы с Престоном верны друг другу.

Я бы ни за что не согласилась на отношения на расстоянии, если бы хоть чуточку сомневалась в том, что нам удастся хранить верность. И теперь, когда мы оба в Гарнете, обман становится еще более бессмысленным.

Бонни искоса смотрит на меня, а потом немного снисходительно улыбается, но это совсем не выглядит высокомерно.

– Так ты действительно из тех, кому нравятся отношения?

– Да. – Я была только с Престоном, но даже если бы на его месте был кто-то другой, моногамия – моя фишка. – Я не понимаю смысла измен. Если желаешь быть с другими людьми, просто не заводи постоянных отношений. Не тяни кого-то за собой.

– Что ж, тогда выпьем за то, чтобы понять, чего мы на самом деле хотим, и отправимся на поиски. – Бонни поднимает бокал. Мы чокаемся, а потом выпиваем наши коктейли до дна. – Пошли, – торжественно говорит она. – Пора убираться отсюда. Да начнется охота на близнецов.

И это не шутка.

Следующие два часа я таскаюсь за Бонни, которая по внешнему виду словно превратилась в ищейку. Она таскает меня из бара в бар в поисках своих неуловимых близнецов, оставляя за собой бесчисленное количество зачарованных ею жертв. Один за другим эти жалкие неудачники бросаются к ее ногам, пораженные ее ямочками на щеках. У меня никогда не было проблем с привлечением к себе внимания парней, но, стоя рядом с Бонни Мэй Бошан, я чувствую себя просто мебелью, сломанным барным стулом. Хорошо, что у меня уже есть парень, иначе бы развился комплекс неполноценности.

Как бы сильно я не хотела помочь Бонни в ее крестовом походе – найти и покорить городского плохиша, – как только наступает ночь, эта рутина становится утомительной. Если она не устанет в ближайшее время, существует вероятность, что мне придется треснуть ее по голове.

– Этот последний, – предупреждаю я, когда мы пересекаем порог еще одного бара на набережной под названием «Рип Тайд». – Если твоих близнецов-плохишей здесь нет, тебе придется довольствоваться любым другим.

– Последний, – обещает Бонни.

Один взмах ее длинных ресниц – и я, как и любой парень, которого мы встретили сегодня, таю в ее присутствии. На эту девчонку невозможно злиться. Она берет мою руку и тянет меня за собой в «Рип Тайд».

– Давай, подруга, сделаем это. У меня хорошее предчувствие насчет этого бара.

Глава пятая

КУПЕР

Она здесь.

Судьба, должно быть, благоволит нашему плану, поскольку именно в тот субботний вечер, когда я встречаюсь с друзьями, чтобы послушать группу приятеля в «Рип Тайд», я вижу ее. Она одна за барной стойкой, стоит прямо у меня на пути, словно благодаря вмешательству каких-то высших сил.

Ее лицо нельзя не узнать. Да, черт возьми, она хорошо смотрелась на фотографиях, но живую девушка просто сногшибательна. Из тех, что непременно выделяются в толпе. Красавица с длинными темными волосами и пронзительными глазами, сияющими в свете прожекторов, установленных у сцены. Даже издали от нее исходит аура уверенности и спокойствия. Она одета в белую футболку, завязанную в узелок на талии, и джинсы – совсем не старается, этим как раз и отличается от остальных.

Уже этого бы хватило, чтобы привлечь мое внимание, даже если бы у нее не было потрясающего тела. Однако факт есть факт – невероятно длинные ноги, пышная грудь, все при ней. Одним словом, девушка мечты.

– Это она? – Алана наклоняется, чтобы проследить за моим взглядом до места, где сидит девушка Престона Кинкейда. – Сейчас она выглядит еще лучше.

О, я знаю.

– Перекурим, пока следующая группа готовится? – предлагает наш друг Тейт. Он поднимается из-за стола, проводя рукой по своим растрепанным светлым волосам.

– Нет, мы останемся здесь, – отвечает за нас Алана.

Он недоуменно смотрит на меня.

– Куп?

И снова Алана приходит мне на помощь.

– Купер решил уменьшить количество раковых клеток. – Она отмахивается. – А вы, ребята, идите.

Пожав плечами, Тейт уходит, а за ним плетется Уайет и его девушка Рэн. Как только они скрываются из виду, Алана переводит взгляд на меня.

– Разреши мне послушать, – просит она.

– Послушать что?

– Твою игру. И подкинуть пару реплик. – Она откидывает волосы назад и кладет подбородок на сложенные вместе руки, глядя на меня глазами лани, в которых прячется насмешка.

– Отвали.

Мне не нужен тренер по соблазнению девушек.

– Тебе нужен план, – настаивает она. Что касается Аланы, если уж она во что-то вцепилась, то дойдет до конца. – Ты же не можешь просто подойти и бросить свой член ей на колени.

– Ага, спасибо, я в курсе.

Я допиваю свое пиво и встаю из-за стола. Алана останавливает меня, опускает рукава моей «Хенли» и пробегается пальцами по моим волосам.¹⁷

– Для чего это? – ворчу я.

¹⁷ Henley Shirt – футболка с воротником на пуговицах.

– Для лучшего первого впечатления, – отвечает подруга. – На случай, если она скромница. Татуировки отпугивают таких девчонок. – Она окидывает меня последним оценивающим взглядом, а после шлепает рукой по плечу. – Ты готов. Вперед, к завоеваниям.

Вот в чем проблема дружбы с девушками.

Перед тем, как подойти к столику, где устроилась красотка, к которой я собираюсь подкатить, я осматриваю зал и убеждаюсь, что Кинкейда здесь нет. Не то чтобы у меня возникли сомнения по поводу реванша. Ввязываться в драку не входит в мои планы. Будет намного лучше, если я незаметно проникну в стан врага и сделаю все так, что для его вмешательства станет слишком поздно. Завоюю ее прежде, чем Кинкейд поймет, что троянский конь уже внутри.

Удостоверившись, что она здесь одна, я подхожу к ее столику. Девушка полностью сосредоточена на своем телефоне и поэтому не замечает меня ровно до тех пор, пока я не касаюсь ее руки.

– Привет, – говорю я, наклоняясь, чтобы она услышала меня сквозь гул громкой музыки. – Тебе нужен этот стул?

– Нет. – Она даже не отрывается от экрана телефона. – Забирай. – Когда я сажусь рядом, она вскидывает голову. – О, я думала, ты просто возьмешь его для другого столика, но ладно.

– Заключим пари, – предлагаю я, придвигаясь ближе.

Она так приятно пахнет – ванилью и цитрусом – что я почти забываю, зачем вообще пришел сюда. Девушка не отстраняется и не выплескивает напиток мне в лицо. Хорошее начало.

– Хм... что за пари?

В ее глазах на секунду мелькает настороженность, но после она смягчается и уже кажется заинтригованной.

– Что, если я скажу тебе, что через час, начиная с этой минуты, ты согласишься уйти из этого бара со мной?

– Я отвечу, что восхищаюсь твоим напором, но тебе лучше направить его на другую цель.

– Ну же. – Я выдерживаю ее взгляд и протягиваю руку для того, чтобы она ее пожалала. Для меня лучший способ по-настоящему узнать кого-то – это давить и смотреть, как человек сопротивляется. Заводи и отгалкивай.

– Что ж, ты уже проиграл, – отвечает она, игнорируя мою руку. – У меня есть парень.

Я смотрю в ее глаза. Дерзко.

– А я не спрашивал о твоём парне.

На секунду она кажется озадаченной. Ну естественно, ведь никто никогда не разговаривал с ней подобным образом. Точно уж не ее парень-идиот. Девчонки вроде нее привыкли к тому, что родители исполняют каждое их желание, а слуги сдувают с них пылинки.

И по мере того, как она осмысливает мои слова, наступает момент, когда девушка решает, что я более интересен, нежели то, что у нее в телефоне.

Она переводит его в спящий режим и откладывает.

Чертovski предсказуемо.

Каждая примерная богатая девочка гадает, каково это – встречаться с парнем по ту сторону золотых ворот. Это самые острые ощущения, которые они смогут испытать в жизни.

– Это шутка, верно? – Она оглядывается по сторонам. – Бонни тебя надоумила?

– Не знаю никакой Бонни. Я Купер.

– Маккензи, – отвечает она и хмурится, соображая в чем же подвох. – Но у меня действительно есть парень.

– Ты говорила.

На этот раз она не отстраняется, когда я наклоняюсь. Расстояние между нами становится все меньше, напряжение нарастает.

– В цивилизованном мире, – медленно произносит она, – это имеет значение.

– Но я почему-то не вижу этого загадочного парня, о котором ты все время вспоминаешь.

Она смотрит на меня с недоверием, однако в ее глазах загораются искорки веселья. Маккензи прекрасно знает, насколько привлекательна, и наверняка привыкла к тому, что парни за ней гоняются толпами. Однако я чувствую ее беспокойство. Я сбил ее с толку. Это говорит мне о том, что она подумывает над этим. Я встречал много таких девушек, как она, переспал с парочкой из них и сейчас вижу, как в ее красивой головке крутятся все эти надуманные фантазии в стиле «а что, если...».

– Я тут с соседкой. – В ее голосе все еще слышится какая-то борьба, сопротивление или, по крайней мере то, что она пытается выдать за него. Эта девушка, похоже, никогда не была легкой мишенью. – У нас девичник.

– Да уж, вы отрываетесь по полной, как я посмотрю, – протягиваю я, кивая на стакан с водой, который она заказала. – У кого-то комплекс «хорошей девочки»?

– Я просто умираю от желания узнать, как оскорбления помогут тебе выиграть пари.

– Задержись и узнаешь.

Маккензи берет стакан с водой.

– Это называется «быть хорошей подругой». Сегодня я уже выпила свою норму из двух алкогольных напитков.

– Как скажешь, принцесса.

Она вертит соломинку.

– Я просто присматриваю за соседкой.

– И выглядишь очень одинокой.

Маккензи поднимает голову и прищуривается. Судя по ее оценивающему взгляду, она пытается понять мои мотивы.

– Почему мне должно быть одиноко?

– Хватит нести чушь.

Она кивает с ухмылкой.

– Да уж, хватит.

– Ты красивая девушка, но сидишь в переполненном баре одна, уткнувшись в телефон, потому что предпочла бы находиться в другом месте. И где бы это ни было, там есть тот, кто веселится без тебя. И все же ты сидишь здесь и скучаешь, гордишься своей верностью и почему-то считаешь, будто чувствовать себя несчастной каким-то образом доказывает, что ты хороший человек. Так что да, я думаю, ты одинока. Мне кажется, что ты так отчаянно жаждешь хорошо провести время, что втайне рада нашему знакомству. В самом глубоком, темном уголке твоего сознания кроется желание – ты хочешь, чтобы я дал тебе повод плохо себя вести.

Маккензи не отвечает.

Энергия потрескивает и нарастает в тесном пространстве между нами. В ее глазах читается нерешительность: она обдумывает все, что я сказал, медленно опуская соломинку в стакан с водой. Если Маккензи скажет мне отвалить, то на этом все. Я пригласил ее на свидание, и любое решение, помимо отказа, будет признанием того, что я хотя бы отчасти прав. Но, если она *не* отошлет меня, ее дальнейший путь станет непредсказуемым. Никаких правил, лишь опасная территория для правильной девочки, которая распланировала всю свою жизнь с самого рождения. Быть богатым – значит никогда не думать за себя.

Если она последует за мной, то ей можно полностью забыть о скуке и предсказуемости.

– Ладно, – наконец-то произносит она. – Я согласна на твое пари. – Кажется, будто она все еще скептически относится к моим словам, однако я ее заинтриговал. – Но если ты думаешь, что затащишь меня в постель, то можешь платить прямо сейчас.

– Точно. Не хотелось бы искушать тебя отличным времяпрепровождением.

Она закатывает глаза, пытаясь скрыть улыбку.

– Я имею в виду, что прямо-таки почувствовал ауру обломщицы, исходящую от тебя, пока сидел вон там, – говорю я, кивая в сторону столика, за которым Алана и остальные пытаются притвориться, что не наблюдают за нами. – Что ж, пора следовать протоколу по устранению негативных последствий. Поэтому, если твое отношение не улучшится, нам придется попросить тебя уйти, пока эта аура не распространилась по всему миру.

– Оу. – Маккензи изображает серьезность. – Что ж, если это медицинская необходимость, то пожалуйста.

По крайней мере, у нее есть чувство юмора.

Я боялся, что она будет одной из тех заносчивых заноз, которые не способны болтать ни о чем, кроме лака для ногтей и шмоток. Предполагал, что придется общаться с типичной стервозной цыпочкой, но эта девушка кажется вполне нормальной, без всей этой надменности.

– Итак, что же привело тебя сюда сегодня? – спрашиваю я. Чем больше она будет говорить о себе, тем выше вероятность того, что стены, которыми она себя окружила, скоро рухнут. Пусть думает, что она здесь все контролирует.

– Моя соседка охотится на парочку близнецов, – сообщает она мне.

Да неужели.

– Спортивный интерес или нечто большее?

– Понемногу и того и другого. – Ее взгляд скользит по залу, вероятно, в поисках той самой соседки. – У нее есть пункт насчет плохих парней с татуировками, от которых одни неприятности. И она вбила себе в голову, будто эти близнецы как раз то, что ей нужно. Хотя, если честно, мне кажется, что шанс подхватить герпес совсем не стоит утренних инстаграмных селфи, но что я вообще знаю об этом?

Мне кое-как удастся выглядеть спокойным.

Это слишком идеально.

Я почти чувствую себя негодяем, поступая с ней так, но потом она говорит о герпесе, который у меня предположительно имеется, и сожаление сходит на нет.

– Ты знаешь этих близнецов?

Я делаю невинное лицо.

– Нет, но они печально известны в кампусе своей репутацией, начиная с первого курса. Про них полно всяких историй.

Маккензи с отвращением морщится. И, если бы это не было так забавно, я бы даже обиделся.

– Любой парень с такой вереницей любовных подвигов обязательно подхватит каких-нибудь болячек.

– Наверняка, – поддакиваю я.

– Знаешь, как зовут этих нулевых пациентов-близнецов?¹⁸

– Хартли. Они местные.

И затем к ней приходит озарение.

– Ты ведь не знаком с ними? Конечно, Бонни была бы рада получить подсказку, где их искать, но если они твои друзья или что-то в этом роде...

Мне почти невыносимо это предвкушение.

– Нет, забудь о них. – Я борюсь с усмешкой. – Просто парочка засранцев.

– Мак! Мне нужно еще выпить, а потом мы... Ой.

К нам подбегает миниатюрная блондинка и замирает, уставившись прямо на меня. Ее личико порозовело, а большие глаза устремляются к Маккензи. Проходит несколько пуга-

¹⁸ Первый заразившийся пациент в популяции эпидемиологического исследования. Нулевой пациент может указывать на источник заболевания и возможные пути распространения.

ющих секунд, пока девушки обмениваются взглядами, а затем Маккензи, взяв мою руку, задирает рукав и видит мои татуировки.

– Да какого черта, – выпаливает она, сверкая глазами. – Нет, ну нет, это нечестно. – Она откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди. – Ты знал, что я говорю о тебе, и все равно позволил мне продолжить?

– Никогда не отказываюсь от бесплатного развлечения. – Я открыто улыбаюсь.

Ее соседка опускается на стул рядом с Маккензи, наблюдая за нами. Мне вдруг приходит в голову, что ситуация с соседкой может мне все усложнить. Или эта девица сорвет мои планы, отпугнув Маккензи еще до того, как я сделаю то, что собираюсь, или она станет козырем у меня в рукаве. Нужно переманить соседку на свою сторону, пока я не достигну финишной черты. К счастью, у меня есть то, чего она хочет, – еще один я.

– Ты обманул меня, – решительно заявляет Маккензи. – Преднамеренная попытка обмана. Это запрещено. На самом деле, все наше общение сейчас под вопросом. Считай, что мы не встречались. Я тебя не знаю.

– Вау. – Я отталкиваюсь от стола, задыхаясь от смеха. – Ты дала мне пищу для раздумий. Выпью-ка я еще, чтобы получше над этим поразмыслить. Еще по одной? – Последнюю фразу я адресую соседке, у нее до сих пор взволнованный вид.

– Безусловно, – соглашается она. Когда Маккензи уже готова возразить, соседка стреляет в нее взглядом. – Спасибо.

Я направляюсь в бар и вижу, как Алана встает из-за нашего столика и следует за мной. Она выбирает окольный путь, медленно проходя мимо Маккензи и ее соседки по комнате, пока я заказываю три пива.

– Похоже, все прошло хорошо, – говорит Алана, оказываясь рядом со мной. Выступление группы заканчивается, и наступает небольшое затишье перед тем, как следующая группа выйдет на сцену.

– Она классная, – отвечаю я, пожимая плечами. – Немного болтливая, но когда меня это останавливало?

– Ага, но не привязывайся.

Алана заказывает себе шот.

– Да я только встретил ее, расслабься.

К тому же привязанность никогда не входила в число моих проблем. Учитывая то, как я рос, ко мне давно пришло понимание, что все временно. Нет никакого смысла выкладываться на полную. Так проще. Лучше. Это спасает от страданий.

– Я слышала, как они разговаривали. – Алана выпивает шот, а затем выдыхает. – Блондинка такая: *«Он твой, если хочешь»*, а наша девочка такая: *«Не, дерзай»*. Поэтому... – Она поворачивается так, чтобы посмотреть в сторону девчонок. – У тебя еще полно работы.

– Долго рассказывать, но, похоже, мне придется задействовать Эвана против той блондинки.

– И как же он справится с этой задачей, ума не приложу, – иронизирует Алана, закатывая глаза.

Соседка, без сомнения, горячая цыпочка, но она не в моем вкусе. Она в два раза ниже меня, а я ненавижу, когда приходится сильно наклоняться, чтобы поцеловать девушку.

Бармен возвращается с нашими напитками, и, забрав их, я направляюсь к своим спутницам, пока Алана кричит мне в спину что-то вроде: *«Иди и возьми их, тигр»*. Я недооценил, насколько неприятно, когда твоя сексуальная жизнь превращается в зрелищный вид спорта.

Подойдя к столику, я ставлю напитки и сажусь. Маккензи отставляет воду в сторону, чтобы принять пиво, и я уже точно уверен, что она с нами. Если бы она собиралась струсить и убежать, это произошло бы до моего возвращения.

– Купер Хартли.

Я протягиваю руку ее соседке по комнате, которая в открытую меня изучает. Она пожимает руку, ее цепкие маленькие пальцы не отпускают.

– Бонни Мэй Бошан, – говорит девушка с сильным южным акцентом. – Не думаю, что твой брат где-то поблизости.

– Да, он наверняка ввязывается в неприятности где-нибудь еще. – Вообще-то, он вытряхивает деньги из обладателей трастовых фондов на бильярдных столах через несколько домов отсюда. Это практически его вторая работа. – Не могу никуда водить этого мальчишку.

– Жаль. – Бонни игриво надувает губки. Ясно, что эта Бонни – та еще штучка. Из нее так и рвется озорная сексуальная энергия. – Мы надеялись, что ты отведешь нас в какое-нибудь более уютное местечко после этой вечеринки, верно, Мак?

Маккензи бросает нерешительный взгляд на соседку. Я прячу свою ухмылку. Теперь, если она откажется, то лишит свою подружку развлечения, которого та так жаждет. Трудный выбор, Мак. Мы с ее соседкой довольно быстро становимся друзьями. Это будет намного легче, чем я думал.

– Уютное, говоришь? – уточняю я.

Маккензи переводит взгляд на меня, понимая, что у нее никогда не было ни малейшего шанса победить в этой маленькой игре. Я бы ощутил себя мерзавцем, если б мне было не плевать. Она горячая и вполне приятная, но я не забыл, почему здесь нахожусь. Она лишь средство для достижения цели.

– Я знаю одно местечко.

Слишком рано приглашать их домой. Я уверен, что это неправильная стратегия. Для Мак требуется особый подход. Заслужить ее доверие. Стать друзьями. Я могу быть терпеливым, когда нужно. Пусть сама придет ко мне. Цель миссии – разлучить ее с Кинкейдом. Но, чтобы это сработало, ей нужно самой проявить инициативу.

– Звучит не так страшно. – Кажется, Маккензи хочет покусать свою подружку.

– Я напишу брату. Может, он захочет «ввязаться в неприятности» с вами, а не с теми, с кем он сейчас. Как на это смотрите?

– Я в деле. – Бонни глядит на Маккензи с мольбой в глазах, будто говоря: *«Папочка, можно мне пони?»*

– Не знаю. – Все еще сомневаясь, Маккензи бросает взгляд на свой телефон. – Сейчас почти час ночи. Мой парень, наверное, уже дома, ждет, когда я позвоню.

– Переживет, – отмахивается Бонни. Ее умоляющий тон становится более настойчивым. – Пожалуйста?

– Да ладно тебе, принцесса. Поживи немножко для себя.

Маккензи борется с собственными убеждениями, и на долю секунды меня покидает уверенность. А вдруг я неверно ее оценил, и она вовсе не скучающая богатая девочка, которой нужно пуститься во все тяжкие. Может, она вполне способна встать, развернуться и уйти, никогда больше не взглянув на меня.

– Хорошо, – смягчается Мак. – Час. Максимум.

Что ж, я все же был прав.

Глава шестая

МАККЕНЗИ

Я не знаю, как мы сюда попали. Мы с Бонни, Купером и его полной копией – близнецом Эваном, сидим вокруг пылающего костра на песке, и плеск волн заглушает звуки набережной. Крошечные мерцающие искорки летают в теплом океанском воздухе, а песчаные дюны перебиваются в отсветах пламени и отражаются в воде.

Что ж, кажется, я сошла с ума.

Будто кто-то захватил мой мозг – это единственная причина, которая приходит на ум, потому что я согласилась шагнуть с абсолютно незнакомым мне человеком в неизвестность. Сейчас, пока Бонни уютно устроилась рядом со своим плохишом, во мне растет чувство беспокойства. И исходит оно откуда-то со стороны Купера.

– Ты врешь, – обвиняет Бонни, скреживая ноги, и скептически хихикает.

– Ни в коем случае. – Эван поднимает руки, будто сдается на ее милость. – Купер сидит на заднем сиденье патрульной машины и держит в руках этого козла, который дрожит как осиновый лист. Потом козел ударяет Купа по голове, и у того начинается течь кровь, заливая все вокруг. И, в общем, он пытается успокоить козла, но кругом кровяца, все скользит. Кровь буквально везде, я серьезно – на нем, на козле, на окнах. Ну, а я веду украденную полицейскую тачку, гудят сирены, мигают огни и все такое.

Я смеюсь над этой безумной историей и жестами Эвана. Он кажется более игривым, чем Купер, последний выглядит серьезнее своего брата. Их лица совершенно одинаковы, однако парней легко различить. Темные волосы Эвана короче, руки не покрыты татуировками.

– А потом мы услышали их по радио, – подхватывает Купер. На его слишком красивом лице танцуют тени от костра. – Копы говорят: «Какие-то глупые дети сперли козла и полицейскую машину. Оцепить периметр. Перекрыть мост». И мы думаем – черт, как нам выбраться из этой херни?

Мне сложно оторвать взгляд от его губ. Его рук. Этих мускулистых рук. Я пытаюсь проследить за контурами его татуировок, пока он взмахивает руками, продолжая свой рассказ. Это просто невероятная пытка. Я прикована к стулу, мои глаза широко открыты, и я схожу с ума от этих темных глаз и дерзкой ухмылки. И несмотря на то, что у Эвана буквально то же самое лицо, почему-то я не реагирую на него. Совсем.

Только на Купера.

– Нам по тринадцать лет, и мы начали погоню по городу, – произносит Эван. – А все потому, что Стеф увидела этого несчастного козла на цепи в чьем-то дворе и перемахнула через забор, чтобы освободить его. И в этот самый момент хозяин вышел из дома с дробовиком наперевес. А мы с Купом думаем – вашу ж мать, она получит пулю в задницу из-за этого козла.

– Мы прыгаем через забор вслед за ней, и я разбиваю замок молотком.

– У тебя с собой оказался молоток? – Мой голос звучит странно даже для меня. Дыхание перехватывает, потому что сердце бьется чертовски быстро, хотя я почти не двигаюсь все это время. Абсолютно неподвижна. Я под действием его чар.

– Ага. – Он смотрит на меня так, словно я не понимаю очевидных вещей. – Замок дешевый. Стукнешь по нему пару раз сбоку, и механизм внутри ломается. Итак, Эван хватает козла, и мы несемся оттуда, уклоняясь от дроби, потому что владелец дома пьян в стельку и никак не может прицелиться.

– Но откуда взялась полицейская машина? – спрашивает Бонни.

– Короче, мы бежали с козлом на поводке, когда коп загнал нас в угол. – Эван оживляется, размахивая бутылкой пива, которую принес с собой на пляж. – Он вытаскивает электрошокер, но нас трое, да еще и козел, так что коп не знает, в кого целиться. И, пока он решает, я такой: да ну его к черту, запрыгивай.

– И мы с Эваном залезаем в машину, – продолжает Купер. – Стеф убегает, тем самым отвлекая копа. И вот козел брыкается, а я уже готов рухнуть без сознания, но тут Эван говорит: «Бро, мы должны бросить эту тачку и бежать».

– Так что же случилось с козлом? – требую я ответа, искренне беспокоясь о судьбе бедного животного, и при этом сильно нервничаю, что все заметят, насколько мне не по себе. Заметят, как я плююсь.

– Эван подъезжает к просеке, проходящей через городской парк, и каким-то образом справляется с этим козлом, вытаскивает его с заднего сиденья и тащит в лес, а меня оставляет в отключке рядом с машиной. Так что, когда копы нагоняют нас и видят меня всего в крови, да и выгляжу я как мертвец, у них начинается паника. Они вызывают мне скорую, и я просыпаюсь в больнице. Во всей этой неразберихе я смываюсь оттуда и встречаюсь с Эваном дома, как будто ничего и не произошло.

– Они вас так и не поймали? – хохочет Бонни.

– Да хрен им, – усмехается Эван. – Вышли сухими из воды.

– Так вы оставили козла в лесу одного? – Это и забавно, и ужасно одновременно.

– А что еще мы должны были с ним сделать? – возмущается Купер.

– Точно не это! Боже, бедный козленок. Мне наверняка теперь будут сниться кошмары о том, как он один, в темном лесу, плачет и убегает от каких-нибудь рысей.

– Видишь? – Эван шлепает своего брата по руке. – Вот почему мы не даем цыпочкам уговорить нас погеройствовать. Они никогда не бывают довольны результатом.

Даже несмотря на то, что мне не хочется смеяться, смех все же вырывается наружу. Образ этих двоих, прорывающихся через весь город, едва достающих до руля мальчишек, с перепуганным насмерть козленком, который брыкается и пытается удрать, слишком уморителен.

Мы еще какое-то время вспоминаем забавные истории. Как Бонни и ее школьная команда поддержки превратили парадную лестницу отеля в скользящую горку¹⁹ во время соревнований во Флориде. Или как мы с моей подругой на кемпинге²⁰ с ее семьей встретили парней, а после почти сожгли фейерверками весь лагерь.

Затем, наконец, наступает момент, которого Бонни с нетерпением ждала всю ночь.

Эван берет одеяло, что ранее принес из машины, и спрашивает Бонни, не хочет ли она прогуляться. Эти двое строили друг другу глазки с тех самых пор, как мы пришли сюда. Прежде чем уйти с ним, подруга бросает на меня взгляд, чтобы проверить, все ли порядке. Я киваю ей в ответ. И хотя я просто в ужасе от того, чтобы остаться с Купером наедине, именно этого я и хочу.

– Что ж, моя работа здесь закончена. – Я пытаюсь вести себя нормально.

Он тычет палкой в огонь, перемешивая бумагу.

– Не переживай, с ним она в безопасности. Может, он и разговаривает как какой-нибудь преступник, но на самом деле он хороший парень.

– Я и не переживаю.

¹⁹ Slip 'N Slide – детское развлечение, изобретенное Робертом Кэрриером и произведенное Wham-O. Впервые оно было продано в 1961 году. Основная идея – большой пластиковый лист и способ его смачивания; когда поверхность мокрая, она становится очень скользкой, позволяя человеку скользить по ней.

²⁰ Кемпинг – оборудованный летний лагерь для автотуристов с местами для установки палаток или легкими домиками, местами для стоянки автомобилей и туалетами. Функционирование кемпинга основано на самообслуживании.

Я встаю и занимаю место Эвана рядом с Купером. Мне не следует этого делать, но я мазохистка. И я понятия не имею, это он сам или опьяняющий запах горящего дерева так действует на меня, ведь я чувствую себя пьяной, хотя выпила не так много пива.

– Если честно, вы с братом совсем не такие, как я ожидала. В хорошем смысле.

Черт. Это прозвучало так, будто я флиртую. Мои щеки тут же вспыхивают, и мне приходится лишь надеяться, что он не воспримет этот комментарий как знак моей заинтересованности.

– Да, – он качает головой. – И я все еще жду извинений за герпес.

– Что ж, воспользуюсь Пятой поправкой,²¹ – ухмыляюсь я, глядя на него краем глаза.

– Вон оно как, значит. – Купер выгибает бровь, бросая мне вызов.

Я пожимаю плечами.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ладно. Мне все ясно. Запомни, Мак. У тебя был шанс повести себя по-взрослому.

– Оу, – протягиваю я, – начинаешь войну, да? Заклятые враги до смерти?

– Я ничего не начинаю, я заканчиваю. – Он становится очень серьезным и пинает немного песка в мою сторону.

– Очень по-взрослому.

– Перейдем к пари, принцесса.

Что же он со мной делает. Единственное упоминание этого насмешливого прозвища, и ко мне тут же приходит ужасающее осознание, которое становится неоспоримым.

Купер горяч.

Безумно горяч.

И дело не только в его лице или бездонных темных глазах. У него есть качество под названием «мне на все плевать», которое по каким-то причинам задевает самую чувствительную часть меня. Ночью, освещаемый лишь пламенем костра, он кажется почти зловещим. Словно нож со сверкающим лезвием. И все же его притягательность нельзя отрицать.

Я не помню, когда в последний раз испытывала подобное влечение к парню. Если вообще испытывала.

Мне это не нравится. Не только потому, что у меня есть парень, но еще из-за того, что при виде Купера мой пульс ускоряется, щеки краснеют и становятся почти огненными, а я просто ненавижу, когда мое тело мне не подчиняется.

– Мы так и не озвучили ставки, – задумчиво произносит Купер.

– И чего же ты хочешь?

Все по-честному. Я человек слова.

– Может, поцелуемся?

Я строю из себя крутую, хотя мое сердце колотится как сумасшедшее.

– Чего еще ты хочешь?

– Ну, я подумал, что минет бы сгодился, но если мы ведем переговоры...

Я не могу не улыбнуться.

– У тебя совсем нет стыда.

Каким-то образом ему удается мастерски снять напряжение в этот момент, стереть всю неловкость. И вот моя осторожность дает трещину.

– Хорошо, – говорит он, и его губы растягивает сексуальная ухмылка. – Ты умеешь торговаться. Я сделаю тебе куни.

– Ага, думаю, теперь мы зашли в тупик.

²¹ Пятая поправка к Конституции США является частью Билля о правах. Она гласит, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на надлежащее судебное разбирательство, не должно привлекаться к ответственности дважды за одно и то же нарушение и не должно принуждаться свидетельствовать против себя, а также что государство «не имеет права изымать частную собственность без справедливого возмещения».

– Неужели?

Купер смотрит на меня тяжелым взглядом. Невозможно не почувствовать, как он мысленно раздевает меня.

– Ладно. Но я собираюсь воззвать к этому памяtnому моменту. Будешь мне должна.

В какой-то момент я ощущаю жужжание телефона у себя в кармане. Но к тому времени мы с Купером уже в самом разгаре жаркого спора о социально-экономических проблемах с выпечкой. Я быстро гляжу на экран телефона, чтобы убедиться, не Бонни ли зовет на помощь, но это Престон – вернулся домой после покера.

– Да ни в жизнь, – распалается Купер. – Пирожные – это еда богатых людей. Ты никогда не увидишь, как кто-то с маленькой зарплатой забегает в кондитерскую за коробкой чертовых круассанов. Мы едим пончики, холодные «Поп-тартс»²² и, может, печенье из банки, но никаких гребаных пирожных.

– Пончик – это точно выпечка. А магазин пончиков – это вид кондитерской.

– Хрена с два. В этом городе всего пять кондитерских, и три из них открыты только летом. О чем тебе это говорит?

– О том, что народу во время туристического сезона прибавляется, и переполненные магазины открываются, чтобы поддержать спрос. Это ничего не говорит о демографии.

Купер усмехается, бросая палку в огонь.

– Теперь ты несешь чепуху.

Хотя наш разговор и звучит так, будто мы ругаемся, но скрытая улыбка, притаившаяся в уголке его губ, убеждает меня в обратном: ему весело. Споры – это практически развлечение в моем доме, так что я в них настоящий профессионал. Не совсем уверена, где Купер такому научился, но он определенно держит меня в тонусе. И никто из нас не признает поражения.

– А ты не самый раздражающий клон из тех, кого я встречал, – признает он немного погодя.

Бонни и Эван еще не вернулись.

На набережной позади нас за последний час все стихло, а я даже не устала. Вообще-то, я чувствую себя еще более энергичной, чем раньше.

– Клон? – повторяю я, косясь на него.

Это что-то новенькое.

– Так мы называем богачей. Потому что вы все одинаковые. – Его задумчивые глаза блещут под лунным светом. – Но, может быть, ты совсем не такая, как все остальные.

– Не уверена, то ли это оскорбительный комплимент, то ли одобрителное оскорбление. Теперь я кидаюсь в него песком.

– Нет, я имею в виду, что ты не такая, как я ожидал. Ты спокойная. Без всякого притворства. – Он продолжает изучать меня, вся игривость и притворство отошли на второй план. В выражении его лица я вижу только искренность. Настоящего Купера. – Не похожа на этих высокомерных придурков, которые так обожают запах своего дерьма, что не высовывают головы из задниц.

Что-то в его тоне подсказывает мне, что поверхностное раздражение туристами и богатыми придурками не суть проблемы. В его голосе слышится настоящая боль.

Я легонько пихаю его локтем, чтобы поднять настроение.

– Понимаю. Я выросла среди таких людей. Можно подумать, будто в какой-то момент ты перестаешь это замечать, но нет. И все же они не настолько плохие.

– Как твой парень, например? Что расскажешь о нем?

²² «Поп-тартс» (англ. Pop-Tarts) – название печенья, наиболее популярный бренд компании Kellogg's. Представляет собой два слоя запеченного теста, между которыми находится сладкая начинка.

– Его зовут Престон. На самом-то деле, он из этого района. Его семья живет дальше по побережью. Само собой, поступил в Гарнет. Будет бизнесменом.

– Да неужели. – Купер бросает на меня саркастичный взгляд.

– Эй, он не так уж плох. Не думаю, что Престон хоть когда-то играл в сквош, – смеюсь я, но шутка не прокатывается. – Он хороший. Не из тех, кто трахается с официантками или что-то в этом роде.

Купер выдавливает тихий смешок.

– Ты же понимаешь, что сейчас буквально сказала, что он просто хорошо обращается с прислугой?

Я вздыхаю. Думаю, я все же не знаю, как говорить о моем бойфренде с парнем, которого только что встретила. Особенно учитывая то, что Купер явно настроен враждебно ко всем состоятельным людям.

– А знаешь, это, конечно, тебя шокирует, но, если бы ты дал ему шанс, вы могли бы поладить. Мы не все такие сволочи, – подмечаю я.

– Точно. – Он снова расслабляется, и я воспринимаю это как добрый знак. – Я почти уверен, что ты исключение из правил, ведь я прожил в Авалон-Бэй всю свою жизнь.

– Тогда я торжественно клянусь продемонстрировать тебе немного положительных качеств людей моего вида.

Купер улыбается, оценив мою шутку, и пожимает плечами.

– Поживем – увидим.

– Да? Звучит как приглашение. Но что, если кто-то застанет тебя за попыткой подружиться... – я театрально вздыхаю для пущего эффекта, – с клоном?

– Ни за что. Назовем это экспериментом. Ты будешь моей подопытной.

– И какую же гипотезу мы тестируем?

– Способен ли клон к перепрограммированию в нормального человека.

Я не в силах совладать с собой – я снова смеюсь. Который раз за вечер. Купер, может, и выглядит как плохой парень, но он намного веселее, чем я ожидала. Он мне нравится.

– Так мы на самом деле сделаем это? – спрашиваю я.

Его язык облизывает нижнюю губу в совершенно непристойном жесте.

– Займемся оральными ласками? Черт, конечно же, да. Давай сделаем это.

У меня опять вырывается смех.

– Станем друзьями! Я спрашивала про то, станем ли мы друзьями! Господи, Хартли, ты просто помешан на оральном сексе, кто-нибудь говорил тебе об этом?

– Во-первых, ты давно смотрелась в зеркало? Черт... – Купер замирает и смотрит на меня. – Как твоя фамилия?

– Кэбот, – отвечаю я.

– Черт, Кэбот, – гримасничает он, – как я могу не думать об оральном сексе, сидя рядом с самой горячей девушкой на планете?

Мои щеки вспыхивают. Черт подери. Эта грубая честность просто дико возбуждает. Сглотнув, я стараюсь заставить свое тело не реагировать на его грубость или комплимент. *У тебя есть парень, Маккензи.* Я произношу это по буквам в своей голове.

П-А-Р-Е-Н-Ь.

Насколько плохо то, что сегодня мне приходилось напоминать себе об этом уже несколько раз?

– Во-вторых, – продолжает Купер, – ты уверена, что мы не переспим?

– На сто процентов.

Он закатывает глаза.

– Ладно, тогда, в-третьих – думаю, я согласен на дружбу.

– Как мило с твоей стороны.

– Точно?

– Ох, черт. Я уже хочу передумать. Чувствую, ты будешь отличным другом.

– Чушь, – спорит он. – Я стану лучшим другом, который у тебя когда-либо был. Я всегда превосхожу ожидания. Ты же помнишь, что я спасаю козлят ради своих друзей? Можешь то же самое сказать о себе?

Я хихикаю.

– Козлят? Ты имеешь в виду, что тот был не первым?

– Нет, козел был один. Но однажды я украл золотую рыбку для своей подруги Аланы.

– Класс. Я дружу с вором. – Я пихаю его в бок. – Требую историю о золотой рыбке.

Купер подмигивает.

– О, это замечательная история.

Мы сидим у костра и разговариваем так долго, что я не замечаю, как черную ночь сменяет раннее серое утро, пока Эван и Бонни не возвращаются с прогулки, и выглядят они при этом очень довольными. Только тогда я осознаю, что у меня на телефоне дюжина сообщений от Престона, который гадает, что же, черт возьми, со мной стряслось. Упс.

– Запиши мой номер, – говорит Купер хриплым голосом. – Сообщи мне, как доберешься до кампуса, чтобы я знал, что ты в безопасности.

Несмотря на все предупреждающие сигналы в голове, я все же забиваю его номер в свой телефон.

Ничего такого, уверяю я саму себя. Это будет всего лишь одно сообщение, после которого я сразу же удалю его номер. Потому что, какой бы забавной ни казалась эта идея о нашей дружбе, я знаю, что это плохая затея. Если я чему и научилась благодаря романтическим комедиям, так это тому, что нельзя дружить с тем, к кому тебя тянет. Само по себе притяжение безобидно. Мы все люди, а жизнь бывает очень долгой. И мы вполне можем чувствовать физическое влечение к тому, с кем не связаны отношениями. Но любой, кто встает на путь соблазна, напрашивается на неприятности.

Поэтому, когда Бонни и я выходим из такси и поднимаемся к себе на этаж, я уже готова навсегда стереть Купера Хартли из своего телефона. Я посылаю сообщение: «*Дома, в безопасности!*». Затем кликаю на его номер, и мой палец замирает над словом «Удалить».

Прежде чем я успеваю нажать на кнопку, мне приходит новое сообщение:

Купер: *Это было весело. Повторим как-нибудь?*

Я закусываю губу, уставившись на это приглашение. Воспоминания о его темных глазах, поблескивающих в свете костра, о его широких плечах и мускулистых руках будоражат меня, а между ног появляется приятное ощущение.

Удали его, приказывает решительный голос.

Я кликаю на вкладку диалога. Может, дружба с этим парнем и ужасная затея, но ничего не могу с собой поделать – я сдаюсь.

Я: *Принесу пончики.*

Глава седьмая

МАККЕНЗИ

Прошло всего лишь две недели с начала семестра, а я уже выдохлась. Было бы не так печально, если бы я ходила на курс по бизнесу и финансам или по маркетингу и медиаправу. Да пусть даже на курс по основам программирования. Вместо этого я застряла в лекционном зале, уставившись на иллюстрацию какого-то волосатого голого мужика-обезьяны, который, если честно, мало чем отличается от нынешних парней.

Первый курс – дерьмо. Даже социология или психология подошли бы для моей работы, но эти курсы были уже переполнены. Так что я застряла на антропологии, которая на данный момент состояла из десятиминутного показа слайдов о человекоподобных существах и сорокаминутного обсуждения эволюции. Ничего из этого никак не повлияет на мой банковский счет. Родители заставили меня пойти в колледж, но я надеялась, что смогу, по крайней мере, продуктивно работать, пока я здесь. Например, оптимизировать сайт «Парень Терпит Неудачу» и приложение, настроить поиск по ключевым словам для удобства пользователей и просмотр рекламы. Вместо этого я веду заметки, потому что наш профессор – зубрила-перфекционист, так что никто в этом классе не получит пятерку. И, если уж я вынуждена тратить свое время впустую, я не собираюсь довольствоваться тройкой.

Я выхожу на улицу под палящее солнце и понимаю, что не чувствую своих пальцев. В зале было чертовски холодно. Я направляюсь в студенческий городок, беру кофе и сажусь на горячую бетонную скамейку под деревом магнолии, чтобы немного согреться. Мы с Престоном должны встретиться только через тридцать минут, поэтому мне нужно убить время.

Медленно потягивая кофе, я просматриваю деловую почту и заставляю себя не заикаться на том факте, что до сих пор ничего не слышала от Купера.

И я говорю «до сих пор», потому что он писал мне каждый день с субботней ночи. Поэтому я знаю, что так или иначе услышу от него что-нибудь сегодня, вопрос только в том – когда именно. В первый раз, когда он написал, я сомневалась, стоит ли открывать сообщение, боялась увидеть фото его достоинства на экране. Или, может, надеялась? Я никогда не была поклонницей таких фотографий, но...

Но ничего! – кричит голос в моей голове.

Точно. Никаких «но». Я не хочу видеть член Купера Хартли. Точка. Конец предложения. Ну, правда, зачем мне видеть член горячего, татуированного плохого парня, с которым я провела целую ночь, болтая о всякой ерунде? Это же просто смешно.

Что ж, зато мне больше не холодно. Я вся горю.

Так, срочно нужно отвлечься.

Когда на экране высвечивается мамин номер, я подумываю сбросить звонок, потому что это уж точно нельзя считать отвлечением, на которое я надеялась. Но прошлый опыт научил меня тому, что игнорировать ее не слишком хорошая идея – это только подтолкнет ее к отправке все более требовательных сообщений. А позже к звонку в ФБР: ее дочь наверняка похитили.

– Привет, мам, – отвечаю я в надежде, что она не услышит недовольство в моем голосе.

– Маккензи, милая, здравствуй.

Наступает длительная пауза, во время которой я не могу понять – она отвлеклась или ждет, что я что-нибудь скажу. *Это же ты позвонила мне, мама.*

– Как дела? – спрашиваю я, чтобы подтолкнуть ее к разговору.

– Просто хотела проверить, как ты там. Ты обещала позвонить, как только устроишься, но я так и не дождалась твоего звонка.

Ох. Она всегда это делает. Выставляет меня виноватой.

– Вообще-то я звонила домой на той неделе, но Стейси сказала, тебя нет или ты занята.

Я больше общаюсь по телефону с маминим ассистентом, чем с кем-либо из моей семьи.

– Ну да, у меня сейчас много дел. Историческое сообщество спонсирует новую выставку в Палате представителей, и мы уже планируем осенний благотворительный бал в пользу детской больницы. Настойчивость – это все, Маккензи. Ты же знаешь. Тебе следовало позвонить позже.

Ну естественно.

У моей матери имеется личный помощник, а она даже не соизволит перезвонить своему единственному ребенку, но да, это, безусловно, моя вина. Ох, ладно. Я уже научилась с этим жить. Аннабет Кэбот просто не может быть не права. Я унаследовала эту черту, по крайней мере в том, что касается бесполезных споров о пончиках или чем-то подобном. Мне всегда нужно выигрывать. Однако, в отличие от матери, я вполне способна признать, что совершила ошибку.

– Как дела в колледже? – спрашивает она. – нравятся преподаватели? Занятия трудные?

– Все супер.

Ложь.

– Преподаватели классные, содержание курса отличное, очень интересно.

Ложь. И еще одна.

– Мне здесь нравится.

И снова ложь.

От правды не будет никакой пользы. Что я ей скажу? Что половина преподавателей, кажется, считает, будто учить первокурсников – значит посильнее им досадить, а другая половина появляется только для того, чтобы передать своим ассистентам флешку со слайдами в PowerPoint. Или что я лучше бы провела свое время где-нибудь еще, желательно занимаясь своим успешным бизнесом.

Мама не желает этого слышать.

Правда в том, что мои родители никогда не интересовались тем, что я хочу сказать, только если не они сами написали эту речь. В случае с отцом «сценарий идеальной дочери» задействуется на публичных мероприятиях и сопровождается фальшивыми улыбками, нацеленными на его избирателей.

– Я желаю, чтобы ты прикладывала усилия, Маккензи. Леди должна быть близка к народу и хорошо образована.

Для видимости, конечно, но этого она не говорит. Мое образование не для каких-то практических целей, а чтобы *леди* могла поддержать разговор на коктейльных вечеринках.

– Не забывай и сама развлекаться. Колледж – это знаменательное время для молодой женщины. Там ты встречаешь людей, которые будут присутствовать в твоей жизни на протяжении многих лет. Очень важно выстроить отношения прямо сейчас.

Что же касается мамы – я должна быть, как она. Должна стать прославленной домохозяйкой, которая посещает благотворительные собрания и устраивает вечеринки для поддержки профессиональных устремлений своего мужа. Я давно перестала пытаться спорить с ней, но вовсе не такую жизнь я хочу для себя. Но во мне еще теплится надежда, что, в конце концов, я сумею изменить свой путь, и они не успеют меня остановить.

А пока я подыгрываю.

– Я знаю, мам.

– Что насчет твоей соседки? Как ее зовут?

– Бонни. Она из Джорджии.

– А фамилия? Чем занимается ее семья?

Ведь все всегда сводится к одному. Они *состоятельны, респектабельны?*

– Бошан. Владеют автосалонами.

– Оу. – Очередная долгая, полная разочарования пауза. – Полагаю, дела у них идут прекрасно.

Имеется в виду, что раз они могут позволить поселить Бонни в комнату со мной, то, значит, они не голодранцы. Я подавляю вздох.

– Мне нужно идти, мам. Скоро начнутся занятия, – вру я.

– Хорошо. Поговорим позже, милая.

Я кладу трубку и, наконец, выдыхаю. Мамы иногда бывает слишком много. Она поставила высокую планку и переносит на меня свои завышенные ожидания всю мою жизнь. Да, у нас есть кое-что общее: то, как мы выглядим, наша склонность к нетерпению, рабочая этика, которую она проявляет к своим благотворительным организациям, и то, как я управляюсь со своим бизнесом и учебой. Но, несмотря на наше сходство, мы совершенно разные люди с противоположными приоритетами. Она еще не поняла, что не может слепить меня по своему образу и подобию.

– Привет, красотка.

Престон улыбается и выглядит при этом полностью исцелившимся от баскетбольной травмы. В его руках маленький букет розовых цветов, кажется, они называются «львиный зев²³». Подозреваю, он сорвал их с чьей-нибудь клумбы в кампусе.

– Ты в хорошем настроении, – дразню я, когда он поднимает меня со скамейки и тянет на себя.

Престон целует меня, захватив в свои объятия.

– Мне нравится, что теперь я смогу видеть тебя чаще.

Его губы оставляют мягкие поцелуи на моей шее, а затем он игриво прикусывает мочку моего уха.

Я удивлена, потому что обычно он избегает любых проявлений чувств на публике. Большую часть времени, если Престон держит меня за руку, это уже удача. Он никогда не принадлежал к тем парням, кому нравятся все эти романтические прикосновения, и, надо сказать, я к такому привыкла. На самом деле это даже хорошо, особенно когда мы в кругу наших семей. Еще в юном возрасте я осознала, что утаивание своих эмоций и подавление периодически проявляющегося бунтарского духа – важные условия, необходимые для выживания в нашем мире.

– Ты готова? – спрашивает он.

– Пошли.

Сегодня замечательный день, на улице тепло, и Престон решил провести для меня экскурсию по кампусу. Первая остановка, конечно же, Кинкейд-Холл, где находится факультет бизнеса. Семья Престона – это наследие Гарнета, уходящее корнями в прошлое.

Престон сплетает свои пальцы с моими, а после снова выводит нас наружу. Пока мы прогуливаемся по тропинке в сторону художественного факультета, я восхищаюсь пейзажем. Кампус по-настоящему прекрасен. Здания из красного кирпича. Большая башня с часами над библиотекой. Зеленые газоны и гигантские величественные дубы вокруг. Я, может, и не в восторге от студенческой жизни, но, по крайней мере, на все это приятно смотреть.

– Что думаешь о колледже?

С Престоном я могу быть честной, поэтому вздыхаю и говорю:

– Мне до смерти скучно.

Он посмеивается.

²³ Львиный зев, Антирринум – один из самых известных родов многолетних травянистых растений из семейства Подорожниковые.

– Я чувствовал себя так же на первом курсе, помнишь? Первые пару лет, пока ты не сможешь посещать курсы покруче, это кажется довольно утомительным.

– Во всяком случае, у тебя есть цель.

Мы проходим мимо театрального факультета, где студенты тусуются на парковке, рисуя нечто похожее на декорации старинной улицы.

– Тебе нужен определенный уровень образования, чтобы работать в банке твоего отца. Таковы ожидания и требования. Но у меня уже свой бизнес. Я сама себе босс, и мне не требуется степень, чтобы кому-то что-то доказать.

С улыбкой Престон сжимает мою ладонь.

– Как раз это я и люблю в тебе, детка. Тебе не нужно ничье разрешение. Ты не желала ждать, пока вырастешь, и занялась собственным бизнесом.

– Видишь? – Я буквально сияю. – Ты понимаешь меня.

– Но слушай, если ты действительно планируешь работать над своими маленькими техническими штучками, тогда думай о Гарнете как о поддержке своего проекта. Здесь у тебя появится миллион возможностей создать собственный бренд.

Ха. Мне такое и в голову не приходило. И все же я не в восторге от этой его фразочки – «*маленькие технические проекты*». Однако Престон прав.

– Отличное замечание, мистер Кинкейд.

Я встаю на носочки и целую его в гладковыбритую щеку, а после снова иду вперед. Еще одна причина, по которой мы с Престоном отлично подходим друг другу: мы оба – деловые люди. Ни одного из нас не привлекает идеализм творческих людей, не отвлекают романтические мечты о путешествиях по Европе или походах на вершину Мачу-Пикчу²⁴. Мы – плоды нашего воспитания, у нас голубая кровь. Влиятельные будущие главы империй.

После того, как мы исследуем здание художественного факультета и маленький музей, в котором выставляются работы студентов, мы принимаемся бродить среди скульптур в ботаническом саду, проходя через оранжерею и огород. А затем Престон приводит меня к своей машине.

– Давай, хочу тебе еще кое-что показать.

Он открывает дверцу, и я усаживаюсь на гладкое кожаное сиденье. Перед отъездом Престон убирает крышу своего серебристого Порше.

Мы проезжаем по всей территории кампуса, мимо спортивного комплекса, вверх по холму, а после оказываемся у высокого круглого здания с куполом. Телескоп факультета астрономии. Престон ведет меня к незапертой двери.

– Разве нам можно здесь находиться? – удивляюсь я, поднимаясь по винтовой лестнице.

– Я знаю одного парня. – А потом Престон прижимает палец к губам. – Но нет, нельзя.

На втором этаже расположена комната с компьютерами вдоль стены и массивным телескопом в центре, устремленным в небо через широкую щель в крыше.

– О, как здорово, – говорю я, направляясь к телескопу.

Престон останавливает меня.

– Мы пришли увидеть не это.

Он ведет меня к двери, а после к лестнице, что ведет на крышу. Мы выходим на платформу. Отсюда виден весь кампус. Зеленые холмы и белоснежные здания. Практически весь город, вплоть до синего горизонта Авалон-Бэй. Это великолепно.

– Невероятно... – Я улыбаюсь и думаю о его заботе и изобретательности.

– Вип-тур ничто без вида с высоты птичьего полета.

²⁴ Мачу-Пикчу – город цивилизации инков, расположенный в Андах на территории Перу, над долиной реки Урубамба. Город был основан в XV веке, а позже заброшен. Мачу-Пикчу известен тем, что все стены построены без использования склеивающего материала. Также здесь есть необычные астрономические сооружения, а с вершины открываются панорамные виды.

Престон становится позади меня и обнимает за талию, а затем оставляет поцелуй на моем виске. Мы стоим так и вместе наслаждаемся видом.

– Я очень рад, что ты здесь, – нежно произносит он.

– Я тоже рада.

Признаюсь, последние пару лет между нами возникли небольшие разногласия, пока он учился в колледже, а я застряла в старшей школе. Отношения на расстоянии, даже несмотря на встречи по выходным, были напряженными. Это, к сожалению, лишило нас большого удовольствия.

Сегодня я вспоминаю о том, каково это – начать встречаться с ним. Каким он был очаровательным, как я чувствовала, словно выиграла приз, потому что меня выбрал старшеклассник. И все же, когда Престон прижимает меня к себе и обнимает, в голову приходит одна мысль.

Очень предательская мысль.

О точеных скулах Купера и его бездонных глазах. О том, как мой пульс подскочил, когда он сел рядом и одарил меня своей самоуверенной улыбкой. Но сердце не выскакивает из груди, когда в комнату входит Престон. Кожу не покалывает от его прикосновений. Мои бедра не сжимаются, а в горле не пересыхает.

С другой стороны, эти ощущения могут быть переоценены. Всплеск гормонов способен затуманить разум. Только посмотрите на статистику – люди, отношения которых стали нездоровыми, основывают их на сексе, а не на совместимости. Мы с Престоном подходим друг другу. Мы прекрасно ладим. Мы движемся в одном направлении. Родители одобряют наш союз, и все счастливы.

Я могла бы завести интрижку на одну ночь с дюжиной таких Куперов, и каждый раз мое сердце оказалось бы разбитым. Зачем так поступать с собой?

Нужно ценить то хорошее, что у меня уже есть.

– Спасибо, – благодарю я Престона, разворачиваясь и целуя его. – Сегодняшний день был идеальным.

Однако позже той же ночью, когда я краем глаза смотрю шоу на Нетфликсе и одновременно выполняю домашнее задание по английской литературе, меня охватывает волнительный трепет, в то время как имя Купера высвечивается на экране моего телефона. В этот момент я приказываю себе немедленно успокоиться.

Купер: *Хочешь поужинать?*

Я: *Уже поела.*

Купер: *Я тоже.*

Я: *Тогда зачем спросил?*

Купер: *Посмотреть, что ты ответишь.*

Я: *Хитро.*

Купер: *Что делаешь?*

Я: *Нетфликс и домашка.*

Купер: *Это какой-то код?*

Я: *Ты меня подловил.*

Купер: *Не могу себе представить, на что похожа порнушка для богатых.*

Эти слова на экране заставляют меня сжать ноги вместе и рождают ужасные идеи в моей голове, которые я незамедлительно запикиваю в коробку под названием «даже не смей».

Я: *В основном это выглядит как поедание булочек над страницами «Уолл-стрит Джорнэл»²⁵.*

²⁵ «Уолл-стрит джорнэл» – ежедневная американская деловая газета на английском языке. Издается в Нью-Йорке компа-

Купер: *Да вы просто больные.*

Из меня вырывается смешок, и я прикрываю рот рукой, пока Бонни не услышала и не принялась расспрашивать, что же меня так рассмешило. Она милая, но совершенно ничего не смыслит в понимании личного пространства.

Я: *А ты что делаешь?*

Купер: *Флиртую с цыпочкой, которую только что встретил.*

Опять на те же грабли.

Я: *У меня все еще есть парень.*

Купер: *Пока что.*

Я: *Спокойной ночи, городской парень.*

Купер: *Доброй ночи, принцесса.*

Я знаю, что он просто нажимает на нужные кнопки. Такова фишка Купера. Пытается вывести из равновесия. На самом деле, мне это даже отчасти нравится. Приятно иметь друга, который видит в тебе личность. Ладно, может, *технически* это и считается флиртом, который *технически* не одобряется, но это всего лишь забава. Неважно, что при мысли о Купере у меня бушуют гормоны, я не брошу Престола ради первого татуированного плохиша, которого встретила в колледже.

Глава восьмая

МАККЕНЗИ

На следующий день я решаю познакомиться с городом самостоятельно, раз уж у меня свободный график. Престон вдохновил меня смириться со своим пребыванием в Гарнете, вместо того чтобы считать его тюремным сроком. Помня об этом, я надеваю летнее платье в цветочек и вызываю такси.

Авалон-Бэй – это прибрежный городок, полный контрастов: здесь вы встретите и суровых рыбаков, и миллионеров. С одной стороны улицы расположены бутики высшего класса, торгующие мылом ручной работы, с другой – ломбарды и тату-салоны. На набережной тихо в это время дня. В большинстве баров не так много людей, но в основном это потные местные жители, которые сидят на стульях и смотрят спортивные каналы со своими приятелями.

Я прогуливаюсь дальше, чем в прошлый раз, когда я была здесь с Престоном, и дохожу до места, где прошелся ураган пару лет назад. Несколько зданий еще не достроены. Неподалеку работает команда, восстанавливающая ресторан, снаружи которого установлены строительные леса. Другие предприятия закрыты предупредительной лентой и фанерой. Очевидно, их не трогали с тех пор, как шторм снес крыши и затопил все изнутри.

Останавливаюсь перед необычным отелем позднего викторианского стиля. Он белый с зеленой отделкой, вся задняя часть здания разрушена штормовой волной. Стены отеля были вырваны напроц, внутреннее убранство выставлено напоказ. Старая мебель и смятые ковры все еще ждут гостей, которым не суждено здесь побывать. На сломанной пополам вывеске золотыми буквами написано: «*The Beacon Hotel*».

Размышляя над тем, что случилось с владельцами так и не восстановленных зданий, задаюсь вопросом: почему до сих пор никто не заявился, чтобы претендовать на собственность и вернуть ей былую славу? Это ведь отличное место.

Мой телефон несколько раз вибрирует, оповещая о входящих сообщениях, поэтому я останавливаюсь у магазинчика с мороженым и покупаю ванильный рожок. Затем сажусь на стоящую рядом скамейку и пролистываю сообщения одной рукой.

Первое сообщение от одного из моих модераторов – насчет обновлений. Она информирует меня, что ей пришлось заблокировать нескольких пользователей, которые троллили каждый пост в «ПареньТерпитНеудачу», оставляя сексистские и расистские комментарии. Я открываю прикрепленные скриншоты. Моя челюсть сжимается, когда я начинаю читать эти записи.

Я быстро пишу ей ответ: «*Молодец, что заблокировала их*».

Следующее – этот крик о помощи от моего контент-менеджера, он следит за сайтом и, в случае чего, сообщает мне о возникающих проблемах. Сейчас, по-видимому, пользователь угрожает судебным иском, утверждая, мол, один из постов на сайте является клеветой. Я нажимаю на этот пост. Автор встречалась с парнем – она назвала его «Тэд», – который не предупредил, что у него микрочлен, и тем самым застал ее врасплох во время их первой интимной встречи.

Я возвращаюсь в почту, чтобы прочесть письмо, которое мой админ Алан получил сегодня от какой-то вашингтонской юридической компании с пугающим фирменным бланком. Догадываюсь, что автор – butterflykisses44 – выбрала псевдоним, слишком близкий к настоящему имени ее парня.

Тэд на самом деле Тэд: он невероятно возмущен и унижен, поэтому требует от нас не только удалить с сайта этот злополучный пост, но и оплатить ему моральный ущерб.

Поскольку сайт является независимой площадкой, а не издательством, мы не можем быть привлечены к ответственности за контент наших пользователей, но на всякий случай я поручаю Алану отправить письмо моему адвокату. Потом я выключаю телефон и слизываю остатки почти уже растаявшего мороженого. Еще один денек из жизни генерального директора Маккензи Кэбот.

Если быть честной с собой, то в последнее время мне хочется... чего-то еще. Я люблю свои приложения, но в настоящее время занимаюсь только тем, что говорю «да» или «нет». Подпиши тут, поставь инициалы там. Прочти это письмо, одобри то заявление. Настоящий азарт был в самом начале, когда вместе с моими друзьями мы устраивали мозговой штурм в поисках функций для приложения. Когда я встречалась с разработчиком и программистом, воплощала идеи в жизнь. Создавала маркетинговую кампанию для привлечения пользователей. Запускала проект.

Это было сложно и захватывающе. Самое веселое время в моей жизни. Я осознаю, что этой частью я поистине наслаждалась. Созданием, а не продвижением. Не то чтобы я ненавижу свой сайт и приложение и хочу их продать. Нет. Они все еще мои. Часть моей растущей империи. Но, возможно, пришло время для новых бизнес-идей.

Когда солнце клонится к закату, я иду на пляж и сажусь на песок, слушая шум волн и наблюдая за чайками, летящими против ветра. Позади меня бригада строителей собирается домой после рабочего дня. Они выключают свои дрели и пилы, и наступает долгожданная тишина.

Отвлеченная этим, я даже не замечаю, как кто-то приближается ко мне, пока он не опускается рядом.

– Как дела, принцесса?

Я не ожидала увидеть здесь Купера, тем более снимающего передо мной рубашку и рабочие перчатки.

Он выглядит таким же сильным, как и в ту ночь, когда мы сидели у костра. От него невозможно оторвать глаз. В его волосах опилки и грязь, а мускулистая грудь блестит от пота. Получается, сейчас я впервые полностью вижу его татуировки, которые поднимаются вверх и тянутся к груди. Я облизываю губы, а затем мысленно одергиваю себя. Ту часть себя, которой становлюсь, только когда он рядом. Порочную. Легкомысленную. Я беру эти фантазии и засовываю их в коробку, помеченную этикеткой *«держись на хрен подальше»*.

– Ты что, теперь преследуешь меня? – требовательно спрашиваю я.

– Ты околачиваешься возле моей работы, – он оглядывает меня с ног до головы, – в каком-то нелепом подобии платья, и вся такая: «Ой, не обращайтесь на меня внимания, парни, я ненавижу внимание».

– Ага, именно это я бы и сказала, – я закатываю глаза. – И что не так с моим платьем?

Я разглаживаю руками подол сарафана с цветочные принтом.

– На нем цветы. Ты не похожа на девушку, которая любит цветы, Мак.

– Не зови меня Мак.

– Почему нет?

– Потому что так меня зовут только друзья.

– Мы друзья. Лучшие друзья. – Купер криво улыбается. – Ха, вижу, ты не отрицаешь часть про цветы.

Он прав. Обычно мне не нравятся все эти девчачьи узоры и платья с оборками. В моем стиле обычно белые футболки с джинсами или на топы с шортами, когда жарко. Но время от времени мне хочется выглядеть милой, женственной. Осудите меня за это. В любом случае

никто не позволял ему так бесцеремонно высказываться о моем вкусе в одежде, поэтому я спорю чисто из принципа.

– Мне нравятся цветы. Особенно в одежде. Чем больше всяких подобных штучек, тем лучше.

Купер закатывает глаза, потому что знает, что я вру не краснея.

– Хотя тебе ведь необязательно так стараться. – Он скрещивает руки, прижимая колени к груди. – Меня довольно легко впечатлить.

– Прости, что? Кто это старается? Ты атаковал мой телефон болтовней о порно с булочками.

– Ты со странностями. – Он пожимает плечами. – Я понимаю, конечно. Не моя фишка, но главное, что тебя это заводит.

Ха. Если б он только знал. У нас с Престоном отличный секс, но мне кажется, нам не хватает какой-то перчинки. Поначалу я думала, что, возможно, секс и должен быть именно таким: быстрым, довольно скучным, выполняющим определенную функцию. В шестнадцать лет я лишилась девственности с Престоном и поэтому была немного наивной в этой области. И только после разговора с подругами о своих непримечательных любовных утехх я поняла: оказывается, секс может быть – сюрприз-сюрприз – *веселым*.

Когда я подняла эту крайне неловкую тему с Престоном, он признался, что не хотел отпугнуть меня своей напористостью. Я сказала ему, мол, чувствуй себя свободно, делай все, как тебе хочется, и после этого секс стал более интересным. Однако, честно говоря, прошло уже четыре года, и та страсть, о которой говорил Престон, до сих пор не появилась.

– Мне страшно представить, какие фантазии витают в твоей голове, – произношу я.

– Если хочешь затащить меня в постель, можешь просто попросить. – Купер подталкивает меня локтем.

Есть в нем эта невозмутимая уверенность в себе. Высокомерный, но в то же время очаровательный. Самоуверенный, но не властный. Даже жаль, что он тратит свои таланты на строительство. Он стал бы прекрасным генеральным директором, если бы занялся бизнесом.

– Эта недоделанная реверсивная психология²⁶ на мне не работает, – замечаю я. Ведь свой первый миллион я заработала не потому, что мною было легко манипулировать. – Я не собираюсь случайно оказаться в постели с малознакомым парнем просто потому, что поддаюсь на его провокации.

И все же эта игривая ухмылка и хитрые глаза, похоже, все-таки достигают цели. У меня нет иммунитета к его широким плечам и накачанному прессу. Кроме того, Купер для меня настоящая загадка. Все, что я узнала о нем, заставляет задуматься, что все эти татуировки вкупе с поведением всего лишь искусная маскировка. Но что он скрывает? Мой мозг просто обожает такие головоломки.

– А меня не застанут врасплох в постели с какой-то девчонкой-клоном из Гарнета. Я должен поддерживать свою репутацию.

– Ага, ну конечно. Не дай бог тебя спутают с человеком, у которого есть вкус.

Он прячет улыбку, и в его мимолетном взгляде я вижу обещание всех греховных наслаждений. Вижу темные ночи, полные диких сожалений. Слышу тяжелое дыхание. И этого достаточно, чтобы мой пульс мгновенно подскочил, а пальцы ног онемели.

Этот парень чертовски опасен.

– Куп! – кричит кто-то из рабочих. – Ну, ты идешь в бар или нет?

Он смотрит через плечо.

– Идите без меня.

²⁶ Термин, описывающий психологический феномен, при котором воспитание, пропаганда или склонение к определенному действию вызывает реакцию, прямо противоположную предполагаемой.

Позади нас раздается смех. Я рада, что друзья Купера не видят моего лица сейчас, потому что уверена, что покраснела.

– Зачем ты это сделал? – ворчу я.

– Что именно? Сказал им, что не пойду в бар?

– Да. Теперь они подумают, что ты остался, чтобы трахнуть меня на пляже или что-то в этом роде.

Он усмехается.

– Гарантирую – они подумали не это. Зато я теперь так думаю. Хочешь трахнуться тут или пойдем под пирс?

– Ступай в бар со своими милыми друзьями, *Куп*. У тебя больше шансов переспать там, чем здесь.

– Да мне и тут хорошо.

Купер поднимает руку и проводит пальцами по своим темным волосам, а я не могу перестать пялиться на его напрягающиеся бицепсы.

– Так вы с ребятами восстанавливаете этот ресторан? – Я приказываю себе не смотреть на эти сексуальные мускулы. – Выглядит впечатляюще.

– Так и есть. И после того, как мы закончим с рестораном, у нас еще полно работы. – Он машет рукой в сторону набережной, где много разрушенных ураганом зданий.

– Тебе нравится этим заниматься?

Купер медленно кивает.

– Да, нравится. Мы с Эваном работаем в компании нашего дяди, так что нам не приходится мириться с каким-нибудь придурковатым боссом, который попытался бы нас облапошить или заставить делать грязную работу, чтобы сократить свои расходы. Леви отличный мужик, справедливый. Ну, и к тому же я всегда любил работать руками.

Я сглатываю. В этой фразе нет ровно никакого подтекста, но, будь я проклята, если в ту же секунду не перевожу взгляд на его руки. Они сильные, большие, с длинными пальцами и мозолистыми ладонями. Никакой грязи под ногтями, даже после того, как он весь день работал.

– Что насчет тебя, принцесса? – Он заинтересованно склоняет голову.

– А что насчет меня?

– Это уже второй раз, когда я подхожу к тебе и вижу этот взгляд.

– Какой взгляд? – По-видимому, теперь я просто повторяю за ним. Но напряжение, что исходит от него, вызывает во мне тревогу.

– Взгляд, который говорит: «Я хочу большего».

– Хочу большего... И чего же я, по-твоему, хочу?

Купер продолжает изучать меня.

– Не знаю, просто чего-то большего. Это похоже на... смесь скуки, разочарования, неудовлетворенности и тоски.

– Как-то очень много всякого дерьма в одном взгляде, – шучу я, однако мое сердце бьется как сумасшедшее, потому что он прав. Так я себя чувствую с тех пор, как поступила в колледж. Или даже дольше – осмелюсь сказать, всю мою жизнь.

– Я ошибаюсь? – грубо спрашивает он.

Наши взгляды встречаются. Желание довериться ему настолько сильное, что я прикусываю язык, чтобы остановить себя.

Внезапно я слышу среди шума волн и криков чаек чей-то визг.

– Ты это слышал? – Я оглядываюсь в поисках источника отчаянного, полного боли крика.

Купер усмехается.

– Не пытайся отвлечь меня.

– Да я и не пытаюсь. Seriously, ты разве не слышишь?

– Что? Я не...

– Ш-ш! – приказываю я.

Я прислушиваюсь, стараясь различить, откуда все-таки доносится звук. Темнеет, и огни набережной освещают сгущающиеся сумерки. Очередной визг – на этот раз громче. Я вскакиваю.

– Да ерунда, – отмахивается Купер, но я игнорирую его и следую за звуком, к пирсу. Он бежит за мной, уверяя меня, будто все это мне показалось.

– Не показалось, – настаиваю я.

А затем я вижу источник шума. За пирсом, на пристани, я различаю очертания маленькой фигурки, застрявшей между камнями, а прилив тем временем все прибывает. Мое сердце норовит вырваться из груди. Я оборачиваюсь к Куперу и выпаливаю:

– Это собака!

Глава девятая

КУПЕР

Не успеваю я моргнуть, как Маккензи стягивает с себя платье. Она реально раздевается. Не догола, конечно, поскольку на ней остается белье. Мое разочарование прерванным стрип-шоу омрачается еще и тем, что она невероятно сексуально выглядит в этом лифчике и трусиках. Но, когда она несется к воде и быстро погружается в нее по шею, рациональная часть моего мозга наконец-то включается.

– Мак! – кричу я. – Возвращайся, черт тебя дери!

Она уплывает. Класс. Эта девчонка утонет, попытаюсь спасти паршивую бродяжку. Выплывавая проклятя, я снимаю джинсы и ботинки и кидаюсь в воду вслед за Маккензи, которая уже доплыла до скал и теперь взбирается на них, чтобы вытащить собаку. Я изо всех сил плыву против течения, а волны упорно пытаются убить меня. В конце концов, я хватаюсь за один из камней и выбираюсь из воды.

– Ты сумасшедшая, тебе говорили об этом? – рычу я.

Дрожащая собака лежит у Мак на коленях, пока та пытается ее успокоить.

– Мы должны ей помочь, – просит она меня.

Вот дерьмо.

Это грязное, жалкое создание просто щенок, но вряд ли Маккензи сможет доплыть с ним до берега. Мне пришлось побороться с волнами, но я вешу вдвое больше, чем Мак.

– Давай ее сюда, – говорю я, вздыхая.

Когда я тянусь к собаке, она тут же прячется за Маккензи и почти соскальзывает со скалы, попытаюсь убежать от меня.

– Давай, черт возьми. Или я или ничего.

– Все в порядке, малышка, он не такой страшный, каким кажется, – воркует Мак.

Тем временем я стою на месте и пялюсь на них обеих.

Дворняга все еще медлит, поэтому Мак, наконец, берет ее и передает этот несчастный мокрый комок шерсти мне в руки. Почти мгновенно испуганное животное принимается царапаться, стараясь выбраться на свободу. Нам предстоит та еще ночь.

Маккензи поглаживает собаку в попытке ее успокоить.

– Ты уверен? – спрашивает она. – Я могу попробовать...

Без шансов. Волны выбьют чертову псину у нее из рук, и она утонет, пока я буду тащить Мак до берега. Ни за что.

– Плыви, – приказываю ей. – Я за тобой.

Кивнув, она ныряет в воду и направляется к берегу. А я стою на камнях и начинаю убалтывать бедную дворняжку:

– Я хочу тебе помочь, ладно? Не кусай меня за лицо. Давай побудем друзьями следующие пару минут, идет?

Животное скулит, и, вероятно, это лучшее, что я получу.

Настолько аккуратно, насколько могу, я спускаюсь в воду и, держа собаку, как футбольный мяч над волнами, гребу одной рукой к берегу. Все это время чертова псина дергается, думая, наверное, что я пытаюсь ее прикончить. Лает, царапается. Пытается вырваться. Каждый раз, когда она делает это, моей плоти становится все меньше. Как только мы достигаем берега, я отпускаю собаку, и она несется напрямик к Маккензи. Не за что, предательница.

– Ты в порядке? – беспокоится Мак.

– В полном.

Мы оба тяжело дышим после изнурительной борьбы с волнами. Теперь вокруг почти полная темнота, и единственный свет исходит от набережной, поэтому Маккензи для меня превращается в смутный силуэт.

Я выхожу из себя, приближаясь к ней.

– Что это, черт возьми, такое было?

Маккензи ставит руку на обнаженное бедро, а другой держит неблагодарную псину.

– Серьезно? – восклицает она. – Ты злишься из-за того, что я хотела, чтобы ты спас беспомощное животное? Она же могла умереть!

– Ты могла умереть! Видела течение, малышка? Это гребаное дерьмо могло утащить тебя в открытое море. По крайней мере, раз в год кто-нибудь здесь тонет, и это так по-идиотски.

– Я тебе не *малышка*, – ворчит она. – И ты что, назвал меня идиоткой?

– Если ведешь себя как идиотка, значит...

Я раздраженно встряхиваю головой, чтобы избавиться от влаги. От меня не ускользает, что собака делает то же самое. Что ж, похоже, мы оба – свободные животные.

Маккензи крепче прижимает к себе своего нового питомца.

– Я не стану извиняться за то, что у меня есть сердце. Поверить не могу, что ты был готов оставить этого щенка умирать. О боже. Я дружу с убийцей щенков.

У меня чуть челюсть не отваливается.

Господи, как же сложно с этой девчонкой. Я еще никогда так не старался, чтобы заполучить кого-то. И, даже несмотря на то, что меня чуть не искусали до смерти, да и к тому же обвинили в попытке убийства собаки, моя злость растворяется в приступе хохота. Я сгибаюсь пополам, капая морской водой на песок, и умираю от смеха.

– Почему ты смеешься? – требовательно спрашивает она.

– Ты назвала меня убийцей щенят, – продолжаю я хохотать. – Ты спятила.

Спустя секунду она тоже начинает смеяться. Взгляд собаки мечется между нами, пока мы, мокрые и полуголые, стоим и трясемся от смеха, как двое сумасшедших.

– Ладно, – смягчается она, когда, наконец, немного успокаивается. – Возможно, я немного перегнула палку. Знаю, ты просто волновался за мою безопасность. И спасибо тебе за то, что приплыл туда помочь. Я ценю это.

– Не за что.

Я поднимаю джинсы за пояс. Мои мокрые боксеры прилипли к промежности, из-за чего трудно застегнуть джинсы.

– Давай соберем наши вещи и поедем ко мне домой. Мне надо переодеться. Ты сможешь там обсохнуть, а потом я отвезу тебя.

Она молчит, уставившись на меня.

– Да, – вздыхаю я, – и захвати собаку.

Когда мы подъезжаем, я вижу, что в доме нет света. Ни мотоцикла Эвана, ни джипа, на котором мы ездим. Входная дверь закрыта. Мы с Мак подходим к порогу. Слава богу, внутри не такой ужасный беспорядок, как обычно. Наши друзья имеют скверную привычку использовать этот дом для вечеринок или для передышки между походами по барам, оставляя после себя его в плачевном состоянии. Мы с Эваном хоть и не следуем всеобщим правилам, однако стараемся содержать дом в чистоте. Все же мы не такие свиньи.

– Можешь воспользоваться моим душем, – предлагаю я Маккензи, указывая на дверь моей спальни на первом этаже после того, как включаю свет и беру себе пиво из холодильника. Я заслужил его, став спасителем этой дворняги. – Найду тебе одежду.

– Спасибо.

Маккензи носит сонного щенка на руках. В машине я разрешил ей оставить собаку здесь, а утром я отвезу ее в приют. Хотя меня уже начинают одолевать сомнения, что я смогу вырвать псину из ее рук.

Пока Мак в ванной, я достаю чистую футболку и джинсы, которые оставила у меня Хайди. Или, может, они принадлежат Стеф. Девчонки постоянно оставляют здесь свои вещи после вечеринок или пляжа, а я уже прекратил попытки их вернуть.

Я оставляю одежду, сложенную аккуратной стопкой на кровати, затем снимаю мокрые шмотки и надеваю футболку и спортивные штаны.

Пар, выходящий из-под двери ванной, невероятно соблазнителен. Я воображаю, как Маккензи отреагировала бы, если бы я вошел в душевую кабинку, встал напротив нее и сжал ее грудь в своих руках.

Стон застревает у меня в горле. Она бы наверняка схватила меня за яйца, но это того бы стоило – дотронуться до нее.

– Привет-привет! – кричит мой брат у входной двери.

– Я тут, – откликаюсь я и направляюсь на кухню.

Эван бросает ключи на разбитый деревянный кухонный островок, затем хватается пивом и прислоняется к холодильнику.

– Чем воняет?

– Мы с Маккензи спасли бродячего щенка на пристани.

Бедняга действительно воняет. Впрочем, я тоже. Просто замечательно.

– Она здесь? – По его лицу расплывается злодейская ухмылка.

– В душе.

– Что ж, это оказалось легко. Я почти разочарован, что мне не удалось как следует этим насладиться.

– Это не то, что ты думаешь, – ворчу я. – Собака застряла между скал, и нам пришлось прыгать в воду и спасать ее. Я сказал Маккензи, что она может зайти к нам привести себя в порядок, а потом я отвезу ее домой.

– Отвезешь домой? Чувак, это твой шанс. Выиграй пари. – Эван нетерпеливо трясет головой. – Ты помог ей спасти щенка, ради всего святого. Она уже на крючке.

– Не будь мудаком.

Что-то в его словах задевает меня. План не то чтобы слишком праведный, но необязательно превращать его в нечто мерзкое.

– А в чем дело? – Эван не может притворяться, будто не рад тому, что план так отлично работает. – Это же просто совет.

– Ну. – Я делаю глоток пива, – держи его при себе.

– Привет, – слышу я нерешительный голос.

Маккензи входит в комнату, и от того, как она выглядит – *в моей футболке, с влажными, темными, заколотыми назад волосами*, – у меня в голове появляются только грешные мысли. Мак не надела джинсы: ее ноги голые, загорелые и невероятно длинные.

Черт.

Я хочу, чтобы они обвилились вокруг моей талии.

– Эван, – приветствует она брата, кивая ему, словно знает, что он задумал.

Меня совсем не удивляет, что спящий щенок все еще у нее на руках.

– Что ж, – Эван улыбается ей на прощанье, затем хватается свое пиво и отталкивается от холодильника, – я вымотан. Развлекайтесь, детишки.

Моему брату плевать на манеры.

– Я что-то не так сказала? – сухо спрашивает она.

– Не обращай внимания. Он думает, что мы собираемся переспать.

Когда я поднимаю руку, чтобы пробежаться ладонью по влажным волосам, ее глаза тревожно расширяются. Я вскидываю брови.

– Что такое?

– Купер, ты ранен.

Я смотрю вниз, уже почти позабыв, что ее драгоценный маленький питомец чуть не прикончил меня некоторое время назад. Обе мои руки покрыты красными царапинами, а на ключице виднеется очень неприятный порез.

– Эм, со мной все в порядке, – уверяю я ее.

Мы с царапинами и порезами на короткой ноге, а те, которые я получил сегодня, уж точно не самые худшие.

– Нет, не в порядке. Нужно обработать рану.

Она ведет меня в ванную и, несмотря на мои протесты, заставляет меня сесть на закрытую крышку унитаза. Щенок быстро забирается в мою ванну, сворачивается там в клубок и засыпает, в то время как Маккензи ищет в моих шкафчиках аптечку.

– Да я и сам могу, – возмущаюсь я, когда она достает бутылку медицинского спирта и ватные тампоны.

– Будешь сопротивляться? – Она смотрит на меня, вскинув брови. Уверенность на ее лице кажется очень милой. Мак будто угрожает мне взглядом и говорит: *«Заткнись и прими лекарства»*.

– Ладно, не буду.

– Вот и хорошо. А теперь снимай футболку.

Мои губы расплываются в улыбке.

– Так вот в чем состоял твой план. Раздеть меня.

– Да, Купер. Я вломилась в приют для животных, украдала щенка, оставила его на пристани, а затем сама и спасла – чтобы не вызвать подозрений, – а потом, воспользовавшись телепатией, заставила собаку тебя поцарапать. И все это ради того, чтобы посмотреть на твои идеальные грудные мышцы, – заканчивает она, посмеиваясь.

– Рискованно, – соглашаюсь я. – Но я понимаю. Мои грудные мышцы действительно идеальные. Они не поддаются описанию.

– Как и твое эго.

Я нарочито медленно стягиваю с себя футболку. Несмотря на насмешки, вид моей голой груди вызывает у нее реакцию. Ее дыхание замирает, а затем она отводит взгляд, притворяясь, будто занята только открыванием бутылки. Я прячу улыбку и сижу сложа руки, когда Мак начинает промывать раны на моей руке.

– Вы живете вдвоем? – интересуется она.

– Да. Мы с Эваном выросли в этом доме. Наши прадедушка и прабабушка построили его, как только поженились. После них здесь жили все поколения моей семьи.

– Красивый дом.

Был красивым. Сейчас он разваливается на части. Крышу нужно заменить. Фундамент трескается от эрозии пляжа. Сайдинг пережил слишком много штормов, полы изношены и искривлены. На самом деле, здесь нет ничего, чего я не смог бы исправить, но нужны время и деньги, но разве так не всегда бывает? Весь чертов город полнится этими «если только». И внезапно я вспоминаю, почему сижу здесь и позволяю девушке какого-то клона прикасаться к моей обнаженной груди.

– Ну вот, – говорит она, дотрагиваясь до моей руки. – Уже лучше.

– Спасибо. – Мой голос звучит грубовато.

– Без проблем. – А ее немного хрипло.

Я оказываюсь в ловушке этих ярких зеленых глаз. Соблазненный вспышками образов ее почти обнаженного тела, когда подол моей футболки задирается у нее на бедрах. Ее теплая

ладонь прижимается к моей коже. Пульсация на ее шее подсказывает, что Мак тоже не безразлична ко мне.

Я мог бы сделать это. Взять ее за бедра, прижать к себе. Засунуть руку в ее волосы и потянуть за них, а затем слиться с ней в страстном поцелуе. Я не должен спать с ней, если только она сама не сделает первый шаг, но, судя по химии, витающей между нами, я подозреваю, она не остановится на поцелуе. Это будет поцелуй, который непременно приведет к постели и к тому, что я окажусь глубоко в ней. Она бросит Кинкейда быстрее, чем я успею сказать: *«Игра окончена»*. Я выиграю. Миссия будет завершена.

Но какое в этом веселье?

– А теперь, – говорю я, – перейдем к твоему милому другу.

Маккензи моргает, будто выныривает из того же чувственного тумана, что и я.

Мы набираем теплую ванну для собаки и опускаем ее туда. Внезапно она становится совершенно другим животным. Тонущая крыса превращается в маленького золотого ретривера, бултыхающегося в воде и играющего с бутылкой шампуня, который свалился в ванну. Бедняга совсем тощая, потерявшая мать или брошенная ею. На ней не было ошейника, когда мы ее нашли. Работникам приюта придется выяснить, чипирована ли она.

После того, мы дочиста вымыли собаку и вытерли ее насухо, я ставлю на кухне ей миску с водой и кормлю нарезанным сэндвичем с индейкой. Не идеально, но это все, что у нас сейчас есть. Пока щенок принимается к еде, я оставляю дверь открытой и выхожу на задний двор. Стало холоднее, и с океана дует бриз. На горизонте мерцают крошечные огоньки лодки, пока та движется.

– Знаешь... – Мак подходит ко мне и становится рядом.

На самом деле я понял, что она подходит еще до того, как она это сделала – каждый мой нерв направлен в ее сторону. Эта девчонка едва глянет на меня, и я уже наполовину возбужден. Очень бесит.

– Я не должна здесь находиться, – заканчивает она предложение.

– И почему же?

– Думаю, ты знаешь почему, – вкрадчиво произносит она.

Маккензи испытывает меня, так же как и себя саму.

– Ты не похожа на девушку, которая станет делать то, что ей не нравится.

Я поворачиваюсь, чтобы встретиться с ней взглядом. По моим наблюдениям, Мак упряма. Не из тех, кем можно запросто управлять. Я не питаю иллюзий насчет того, почему она оказалась здесь. Уж явно не из-за того, что я чертовски умный.

– Ты удивишься. – Ее голос пронизан печалью.

– Расскажи мне.

Она оценивает меня, но все еще сомневается – будто гадая, насколько искренна моя заинтересованность.

Я поднимаю брови.

– Мы друзья, ведь так?

– Мне бы хотелось так думать, – с опаской отвечает она.

– Тогда поговори со мной. Позволь мне узнать тебя.

Маккензи продолжает изучать меня. Боже. Когда она на меня так пристально смотрит, я чувствую, словно меня разбирают по кусочкам в попытке выяснить, каков же я на самом деле. Никогда не ощущал себя настолько открытым перед другим человеком. И по какой-то причине это не тревожит меня так, как должно бы.

– Я думала, правда в том, чтобы быть самодостаточной, – наконец признается она. – А сейчас понимаю, что это не совсем так. Знаю, наверное, это звучит глупо, особенно когда это говорю я, но такое ощущение, что я в ловушке. Ловушке ожиданий и обещаний. Стараюсь

сделать счастливыми всех остальных. Хотелось бы мне побыть эгоисткой хоть иногда. Делать, что хочу, когда хочу и как хочу.

– Так что же тебя останавливает?

– Все не так просто.

– Конечно, просто. – Богатые люди всегда говорят, что деньги – непосильное бремя. Но это только потому, что они не умеют ими пользоваться. Богачи настолько вязнут в своем дерьме, что забывают: им вовсе не нужны тупые дружки и идиотские загородные клубы. – Забудь обо всем. Кто-то делает тебя несчастной? Кто-то сдерживает тебя? Наплюй на них и живи дальше.

Ее зубы впиваются в нижнюю губу.

– Я не могу.

– Значит, ты не так уж сильно этого хочешь.

– Это нечестно.

– Конечно, нет. А что вообще честно? Люди вечно жалуются на свою жизнь и даже не пытаются ее изменить. В определенный момент нужно просто набраться смелости или же заткнуться.

Из Маккензи вырывается смешок.

– Ты советуешь мне заткнуться?

– Нет, я говорю, что в жизни есть множество не зависящих от нас обстоятельств, которые доставляют нам немало трудностей. Поэтому меньшее, что мы можем сделать, это изменить свой путь.

– Ну, а ты? – Она поворачивается ко мне и спрашивает: – Что бы ты хотел сделать прямо сейчас, но не можешь?

– Поцеловать тебя.

Маккензи прищуривается.

Я должен сожалеть о своих словах, но нет. Что вообще мешает мне поцеловать ее? Сказать, что я этого хочу? Все равно это скоро произойдет. Я определенно зацепил ее. Если я не исполню свой план сейчас, то зачем тратить время впустую?

Поэтому я наблюдаю за ней, пытаюсь разглядеть хоть какую-то реакцию за ее маской холодного безразличия. Эта девчонка неумолима. Однако всего на долю секунды я ловлю вспышку страсти в ее взгляде. Будто она обдумывает это, представляет. Я словно разыгрываю карточную партию: одно действие, подобно цепной реакции, влечет за собой другое.

Она облизывает губы.

Я наклоняюсь ближе. Совсем немного. Искушаю себя. Необходимость прикоснуться к ней почти невыносима.

– Но тогда нашей прекрасной дружбе придет конец, – неожиданно выпаливаю я, уже полностью теряя контроль над своим гребаным ртом. – Поэтому я буду вести себя хорошо. У тебя по-прежнему есть выбор.

Что, вашу мать, со мной не так? Не знаю, что спугнуло меня, но внезапно я даю ей шанс выйти из игры, хотя должен, наоборот, *заманивать* ее.

Мак отворачивается к воде и кладет руки на перила.

– Я восхищаюсь твоей честностью.

Во мне поднимается разочарование, пока я искоса смотрю на нее. Эта девчонка восхитительна. На ней моя футболка и больше ничего, а я, вместо того чтобы притянуть ее в свои объятия и зацеловать до потери сознания, только что собственноручно поместил себя во френдзону.

И впервые с того момента, как мы придумали этот план, меня начинают одолевать сомнения, а не прыгнул ли я выше своей головы.

Глава десятая

МАККЕНЗИ

Я просыпаюсь утром от сообщения Купера. Только, кажется, фото сделал Эван, потому что на нем Купер спит в постели со щенком на груди – малышка зарылась мордочкой под его подбородок. Это просто очаровательно. Прошлой ночью я думала, что эти двое обречены, но, похоже, они уладили свои разногласия.

Надеюсь, они с Эваном решили оставить собаку. Само собой, правильным решением было бы отвезти щенка в приют – я уж точно не смогла бы держать ее у себя, – но мое сердце разбивается от мысли, что я никогда ее больше не увижу.

Я отправляю Куперу ответ, но к тому времени, как покидаю свое второе занятие за день, от него все еще нет вестей. Наверное, он работает. Я говорю себе, что это из-за собаки, ведь я волнуюсь за нее. Но кого я обманываю? Невозможно игнорировать то, что случилось вчера. Сексуальное напряжение между нами едва не вылилось наружу. Чего только стоило его признание о желании поцеловать меня? Если бы он не сдал назад, я бы наверняка поддалась минутной слабости и отважилась на это.

Я недооценила очарование Купера. Это все моя вина. Я прекрасно понимаю, что лучше не засматриваться на полураздетых красавчиков, которые несутся спасать несчастных животных из беды. В дальнейшем мне просто нужно быть более осторожной и постоянно напоминать себе, что мы друзья. Вот и все. Необязательно усложнять.

Когда мой телефон вибрирует, я нетерпеливо выдергиваю его из кармана. Всего лишь сообщение от Престона. Не от Купера.

Я не обращаю внимания на укол разочарования и снимаю с экрана блокировку.

Престон: *Жду тебя на парковке.*

Точно. У нас же сегодня ланч, не в кампусе. Я рада, что он напомнил об этом, а то я чуть не купила куриный рулет в небольшой закусочной рядом с факультетом бизнеса.

Я сажусь в кабриолет Престона, и мы болтаем о наших занятиях, пока едем в Авалон-Бэй. Престон находит парковку у набережной. Мой пульс подскакивает. Я заставляю себя не смотреть в сторону ресторана, который восстанавливают Купер и его дядя.

Проходит всего несколько мгновений, прежде чем я сдаюсь. Однако рабочая площадка пуста. Может, у них перерыв. Или у команды сегодня другое рабочее место.

Я снова притворяюсь, что не разочарована.

– Ты так и не сказала мне, чем занималась вчера вечером. – Престон держит меня за руку, пока мы идем к спортивному бару, где должны встретиться с парой его друзей. – Ты ездила в город или нет?

– Ой, да, ездила. Дошла до пирса, прогулялась по набережной, а после наблюдала за закатом на пляже. Было очень мило.

Я принимаю мгновенное решение опустить всю историю со щенком. Не то чтобы Престон ревнивый парень, просто не хочу превращать это в целую дискуссию, когда я только приехала в Гарнет и у нас все так хорошо. Еще будет возможность рассказать ему о дружбе с Купером. Когда-нибудь. Когда придет время.

– Как прошла ночь покера? Ты мне тоже ничего не написал, если так подумать.

Я тоже не ревнивица. Учитывая фишку с отношениями на расстоянии, мы с Престоном уже привыкли ко всем этим забытым сообщениям или неотвеченным звонкам. Если бы мы волновались из-за такой ерунды, то давно бы расстались. Доверие – прежде всего.

– Как прошла ночь покера? – повторяет Бенджи Стэнтон, который услышал мой вопрос, пока мы с Престоном подходили к их компании. Он громко смеется. – Тебе нужно приглядывать за своим парнем. Он не очень-то хорош в картах и не знает, когда остановиться.

– Хм, значит... не очень-то хорош? – спрашиваю я, глядя на Престона с дразнящей улыбкой.

– Совсем не хорош, – подтверждает Бенджи. Он тоже учится на факультете бизнеса, как Престон. Они познакомились, когда посещали одни и те же курсы в прошлом году.

Родители Бенджи владеют недвижимостью в Хилтон-Хед²⁷, а отец управляет хедж-фондом²⁸. У всех друзей Престона одинаковое происхождение. То есть они отвратительно богаты. Финансисты, владельцы недвижимости, политики – все их родители являются членами клуба миллиардеров. До сих пор они были дружелюбны и приветливы со мной. Сначала я нервничала, что на меня могут смотреть косо, потому что я первокурсница, но все друзья Престона из Гарнета хорошо ко мне относятся.

– Не слушай его, детка. – Престон целует меня в макушку. – Просто у меня особая тактика в игре.

Через несколько минут мы поднимаемся по лестнице. У спорт-бара «Шарки'с» два этажа: на верхнем располагаются столики с видом на океан, а на нижнем – игровые столы, телевизоры и бар. Пока официант усаживает нас всех за длинный высокий стол рядом с перилами, ребята продолжают подшучивать над Престоном из-за его плохой игры в карты.

– Прячь дорогие украшения, Мак, – советует мне Себ Марлоу. Он из Флориды, его семья – крупный оборонный подрядчик – работает на правительство. Все очень серьезно и держится в тайне. *«Мне придется убить вас, если я вам расскажу»*. Как-то так. – Он уже хотел заложить свои ролексы, чтобы вернуться в игру.

Едва сдерживая смех, я спрашиваю Престона:

– Скажи мне, что он шутит.

Он пожимает плечами, ведь деньги для него ничего не значат, да и часов у него столько, что и не сосчитаешь.

– А может, испытаете меня в бильярде? – предлагает он своим друзьям. – Вот где настоящая мужская игра.

Бенджи смотрит на Себа и ухмыляется.

– Все или ничего?

Престон не в силах удержаться – и рвется в бой.

– Вызов принят.

Парни отталкиваются от стола, в то время как Престон целует меня в щеку.

– Одна игра, – обещает он. – Скоро вернусь.

– Не проиграй машину, – предупреждаю я. – Мне нужно, чтобы ты довез меня до кампуса.

– Не переживай, – бросает через плечо Бенджи, – я тебя отвезу.

Престон закатывает глаза, а потом уходит вслед за своими приятелями. Еще одна вещь, которую я люблю в Престоне, – он хороший спортсмен. Я никогда не видела, чтобы он терял форму из-за глупой игры, даже когда его бумажник становился наполовину пустым к концу вечера. Конечно, легко смириться с проигрышем, когда у тебя в кармане бесконечный запас чужих денег.

²⁷ Хилтон-Хед-Айленд (англ. Hilton Head Island) – город на одноименном острове в округе Бофор, Южная Каролина, США.

²⁸ Хедж-фонд (от англ. hedge – преграда, защита, страховка, гарантия) – инвестиционный фонд, ориентированный на максимизацию доходности при заданном риске или минимизацию рисков для заданной доходности. Представляет собой пул активов инвесторов, управляющийся профессионалами в интересах инвесторов.

– Теперь, когда парни свалили... – Мелисса, девушка Бенджи, отодвигает стаканы с водой подальше от меня и подружки Себа, Крисси.

Я ничего не знаю о Мелиссе – кроме того, что она плавает под парусом, – и еще меньше знаю о Крисси. Хотелось бы мне иметь с девочками больше общего, помимо размера банковских счетов наших родителей.

Сказать по правде, у меня не так уж много подруг. И эти две недели только подтвердили, что я до сих пор не умею налаживать отношения с девушками. Мне очень нравится Бонни, но она скорее младшая сестра, нежели подруга. У меня были подруги в школе, однако никого из них я бы не назвала «настоящим другом». Единственной, кто подобрался ближе всего к званию «лучшей подруги», была Сара, с которой я отжигала, пока мне не исполнилось восемнадцать. Мы до сих пор периодически переписываемся, но она живет в Орегоне, и прошло уже два года с тех пор, как я видела ее в последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.